

ПРАВО

№ 31.

1908 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владимірскій просп., д. № 19. Телефонъ 41—61.
КОМИССИОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ НА СКЛАДЪ НОВЫЯ КНИГИ:

В. Л. КЛЯЧКО.

ОБЩІЙ УСТАВЪ РОССІЙСКИХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ

съ позднѣйшими узаконеніями по официальному изданію 1906 года съ объясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената, циркуляромъ Министерства и желѣзнодорожному тарифу 1908 г. Ц. 2 руб.

Отто Вейнингеръ.

ПОЛЪ И ХАРАКТЕРЪ

теоретическое изслѣдованіе.

Переводъ съ нѣмец. В. Лихтенштадта подъ редакціей и съ предисл. А. Л. Волынского.
СПБ. 1908 г. Ц. 3 р.

Прив.-доц. АЛ. ПИЛЕНКО.

РУССКІЕ ПАРЛАМЕНТСКІЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ.

Выпускъ второй. СПБ. 1908 г. Ц. 70 к.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА: Русскіе парламентскіе прецеденты. Вып. I. 1903 г. Ц. 50 к.
— Привилегіи на изобрѣтенія. Практическое руководство. Изд. 3-ье 1907 г. Ц. 85 к.
— Право изобрѣтателя. Т. I. 1902 г. Ц. 3 р., Т. II. 1903 г. Ц. 2 р.
— Указатели къ стенограф. отчетамъ I Государственной Думы. 1907 г. Ц. 40 к.

❖ **Бутырскій, Дм.** Уставъ строительный, съ разъясненіями. Изд. 2-ое, испр. и доп. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гефдингъ, Г. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
Зомъ, Р. Институціи. Вып. I. 1903 г. Ц. 1 р.
Игнатовичъ, Н. Е. Таблицы для опредѣленія наказаній по уголовному уложенію. 1903 г. Ц. 80 к.
Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ. Русское государственное право. В. II. 1903 г. Ц. 1 р. В. I. Ц. 60 к.
КОРФЪ, С. А., баронъ. Федерализмъ. 1903 г. Ц. 75 к.
Пусторослевъ, П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. I. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.
Сборникъ законовъ и распоряженій по землеустройству (по 1 іюня 1903 г.). 1903 г. Ц. 4 р. (въ перепл.).
ТРАХТЕНБЕРГЪ, В. Ф. Блатная музыка (Жаргонъ тюрьмы). Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. 1903 г. Ц. 1 р.
Узданскій, М. С. Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ разъясненіями. 1907 г. Ц. 3 р.
❖ **Фаресовъ, А. И.** Голоса земли. Очерки съ натуры. 1903 г. Ц. 1 р.
ФРЕЙБЕРГЪ, Н. Г. Врачебно-санитарное законодательство въ Россіи. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.
Челпановъ, Г. Учебникъ логики. 4-ое изд. 1903 г. Ц. 1 р.
— Учебникъ психологіи. 7-ое изд. 1903 г. Ц. 1 р.
❖ **„Юридическая Библіографія“.** № 5-ый. 1903 г. Ц. 40 к.

❖ **Inama-Sternegg, K.** Neue Probleme des modernen Kulturlebens. L. 1903. Ц. 3 р.
❖ **Klein, P.** Anzeigepflicht im Schuldrecht. B. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
❖ **Pflüger, H.** Nexum und mancipium. L. 1903. Ц. 1 р. 40 к.
❖ **Reichesberg, A.** Prof. Soziale Gesetzgebung und Statistik. B. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
❖ **Sternberg, Th.** Pr.-doz. Aktionenwissenschaft und Prozesswissenschaft. L. 1903. Ц. 40 к.
❖ **Weber, A.** Boden und Wohnung. L. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
❖ **Wölbling, V.** Der Akkordvertrag und der Tarifvertrag. B. 1903. Ц. 5 р.

ПОЛНЫЙ СВОДЪ РѢШЕНІЙ ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦІОННАГО ДЕПАРТАМЕНТА (1866—1902 гг.),
съ предметнымъ и постатейнымъ указателями. Цѣна 125 р. Допускается разсрочка
при заказѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ 20 руб., а на остальные 105 руб. подписывается обя-
зательство, каковое погашается въ теченіе 15 мѣсяцевъ ежемѣсячными взносами по 7 р. 25 к.
(25 коп. добавляется за переводъ наложеннаго платежа). Всѣ книги высылаются единовременно
по полученіи задатка.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1908 г.

№ 31.

Воскресенье 3 августа.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: приватъ-доцента В. М. Гессена, І. В. Гессена, приватъ-доцентовъ А. И. Каминка и Н. И. Лазаревскаго, В. Д. Набокова и проф. Л. І. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Строительство и разрушеніе въ нашей высшей школѣ. Ив. Гревса. 2) Графъ Н. П. Игнатьевъ и „Временныя правила“ о евреяхъ 3 мая 1882 года. Ю. И. Гессена. 3) Новый германскій законъ о союзахъ и собраніяхъ. В. Л. 4) Дѣйствія правительства. 5) Судебные отчеты: а) Гродненскій окр. судъ (Дѣло о бѣлостокскомъ погромѣ). 6) Хроника. 7) Отвѣты редакціи. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

При этомъ № г.г. подписчикамъ разсылается 14 листъ гражд. касс. департ. за 1907 годъ (бесплатное приложение).

Строительство и разрушеніе въ нашей высшей школѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

IV.

Выходъ одинъ! Надо отбросить отжившіе приемы управленія, которые привели страну къ страшной болѣзни, преклониться предъ идеєю свободнаго государства и общественнаго самоуправленія, отказаться отъ опеки, которая давить выросшій организмъ и которая не по силамъ бюрократіи. Специально въ университетахъ желанной миссіей нынѣшняго правительства было бы предоставить автономнымъ совѣтамъ дѣло строительства новой высшей школы, охранять, а не стѣснять ихъ права. Это можно было бы осуществить, не выпуская изъ рукъ наблюдающаго veto по вопросу о законности дѣятельности университетскихъ учреждений, сохраняя за собою функцію внесенія поправокъ въ нецѣлесообразныя увлеченія, не отрѣшаясь отъ права и своей преобразовательной инициативы. Только необходимо было бы идти въ согласіи, а не въ борьбѣ съ компетентными органами универси-

тетскаго самоуправленія. Таковъ правильный, плодотворный, достойный и благородный путь. Дѣятели школы, послужившіе ей своей жизнью, имѣютъ право призывать къ нему правительство, а послѣднее должно бы въ томъ видѣть не духъ противозаконной оппозиціи, а ихъ патріотическую, національную обязанность.

Не долга у насъ практика автономныхъ порядковъ въ университетахъ; но разобравшись въ фактахъ, которые она уже дала, можно извлечь поучительный матеріалъ для подтвержденія только что высказаннаго тезиса.—Попытаюсь это сдѣлать.—Подходитъ къ концу третій годъ со времени обнародованія указа 27 августа 1905 г., вручившаго совѣтамъ профессоровъ трудную «обязанность и отвѣтственность» руководить внутреннимъ порядкомъ и учебною жизнью высшей школы. Университетскіе дѣятели взглянули на крупный актъ серьезно и глубоко, какъ на радостный симптомъ великаго поворота въ политикѣ русскаго государства. Они увидѣли въ немъ торжественное обѣщаніе правъ и вольностей; укрѣпились надеждою на поддержку правительства ихъ работы для превращенія этой общей деклараціи въ опредѣленную конституцію университетскаго самоуправления, долженствующую замѣнить признанный свыше негоднымъ

¹⁾ См. „Право“ № 29.

уставъ. Съ такою же вѣрою и энергіею, съ такимъ же высокимъ и свѣтлымъ пониманіемъ приняло все прогрессивное общество вскорѣ затѣмъ послѣдовавшій Манифестъ 17 октября, какъ декларацию политическихъ свободъ всего русскаго народа, превращавшагося въ гражданство. Принципы ея начали осуществлять для подготовки новаго строя во всемъ государствѣ присланные народомъ въ первую государственную думу «лучшіе люди» русской земли.

Будущее готовило тяжелыя разочарованія. За роспускомъ первой Государственной Думы выдвинулась формула П. А. Столыпина — «сначала успокоеніе (т. е. подавленіе революціи), потомъ реформы (т. е. осуществленіе конституціи)». Но первое понятіе такъ расширилось, что второе оказалось вытѣсненнымъ изъ поля зрѣнія.—Принципы 17 октября затуманились среди небывалыхъ даже въ Россіи репрессій. Мгла заволочла и основное начало университетской декларации 27 августа. Событія рѣзко доказывали правильность положенія, выставлявшагося сторонниками унив. реформы со времени появленія первыхъ правительственныхъ уступокъ: только подъ дѣйствіемъ обновленнаго гарантіями свободы государственнаго устройства будетъ расцвѣтать унив. самоуправленіе. Дѣло слагалось у насъ обратно: отдалялась конституція, падала и автономія. Въ великомъ и сложномъ цѣломъ народной жизни всѣ процессы и явленія неразрывно связаны между собой.

И тѣмъ не менѣе... Важно сравнить то, что произошло въ строѣ и работѣ высшей школы за двадцатилѣтіе дѣйствія устава 1884 г. и сопровождавшей его правительственной политики—съ тѣмъ, что начало слагаться подъ вліяніемъ очищающаго воздухъ акта 27 авг. 1905 г. Причемъ необходимо отмѣтить, что уставъ 1884 г. проводился при полномъ произволѣ примѣнявшей его бюрократіи; права же, предоставленныя совѣтамъ по указу 27 авг., все время стѣснялись давящею силою не отмѣненнаго стараго устава и постоянно сдавливавшими эти права мѣропріятіями министерской администраціи. Чтобы испробовать такое сравненіе, мною и сдѣланъ былъ предшествующій очеркъ, который имъ именно и необходимо заключить.

Прежде всего, съ полною искренностью и безъ всякой утайки признаю (увѣренъ, что къ этому присоединятся мои товарищи-единомышленники среди профессоровъ): въ нынѣшнемъ положеніи университетовъ въ Россіи остается много очень худого, ненормальнаго, безобразнаго, что подлежитъ коренному оздоровленію. Поборники автономіи не мнятъ себя уже совершившими великое дѣло обновленія школы. Да и какъ возможно возстановить въ короткій срокъ то, что разрушалось долгіе годы? Они только вѣрятъ, что стали на правильную дорогу и требуютъ, чтобы не мѣшали людямъ, работающимъ со званіемъ и по призванію, дѣлать дорогое для нихъ и для родины необходимое дѣло, которое до сихъ поръ

давилось и разстраивалось тѣми, кто держалъ его въ рукахъ.—Для обоснованія этого добросовѣстнаго притязанія я и хочу представить рядъ наблюденій изъ молодой практики нашей автономной высшей школы, которой приходилось пробивать путь среди противодѣйствія многихъ враждебныхъ силъ.

Три протекшіе для университетовъ «подъ автономіею» года рисуются каждый особыми фазами кризиса.—Первый годъ (1905—6) былъ порою высшаго напряженія общественной бури до и послѣ 17 октября. Опытъ освобожденных совѣтовъ возобновить занятія разбился о поднявшуюся волну общественнаго движенія. Университетъ сталъ ареною митинговъ, а потомъ былъ закрытъ для научной работы до самаго конца учебнаго года.—Второй годъ (1906—7) представляетъ труднѣйшую, но удавшуюся попытку совѣтовъ провести занятія чрезъ необычайно тяжелую обстановку, когда приходилось бороться одновременно съ крайними направленіями въ студенчествѣ и съ поднявшеюся правительственною реакціею: противъ первыхъ надо было отстаивать истинную, просвѣтительную задачу университета, которую они хотѣли подчинить грознымъ злобамъ политическаго дня; противъ вторыхъ необходимо было защищать ту же цѣль—созданіе «свободнаго университета для науки» отъ возвращенія въ него другой политики, политики 80-хъ и 90-хъ годовъ.—Наконецъ, третій годъ (1907—8) былъ вторымъ опытомъ (также удавшимся) серьезной работы, когда дѣло развивалось уже при гораздо большемъ согласіи между профессорами и студентами, но когда жестоко усилилось давленіе на автономію высшей администраціи и требовалось растратывать бездну усилій для охраны основъ приобрѣтенныхъ правъ отъ поглощенія ихъ «старымъ закономъ».

Такъ сочетались въ указанные три года бурно-трагическіе звуки въ сложный и грозный аккордъ: взволнованное море студенчества, всею предшествующею исторіею брошенное въ водоворотъ политическихъ увлеченій, властно захваченное гипнотизирующими девизами крайнихъ программъ; правительство, сначала растерянное, потомъ мало-по-малу собравшееся съ силами и тормозящее развитіе университетскихъ (какъ и общественныхъ) свободъ; среди нихъ «обязанные и отвѣтственные» совѣты, поставленные между двухъ огней, но настойчиво пролагавшіе свою особую борозду—съ понятіями «науки» и «автономіи» на знамени.—Съ самаго начала, прогрессивная профессура неуклонно проводила единую, для нея великую и спасительную цѣль—освободить университеты отъ разбивающей ихъ политики, возродить, прочно укрѣпить въ нихъ организованный умственный трудъ. Обвиненіе со стороны правыхъ партій и реакціонной печати «кадетствующихъ» профессоровъ въ «политиканствѣ», въ революціонированіи студентовъ, въ стремленіи подчинить университетъ партій-

нымъ цѣлямъ—было злостною ложью и клеветой. Во-первыхъ, слово и вліяніе профессора, даже политическое, можетъ дѣйствовать на студенчество только сдерживающимъ, умѣряющимъ образомъ. Пора разсѣять этотъ фантомъ—образъ профессора-агитатора. Онъ созданъ полицействующею фантазіею годовъ безвременья, а между тѣмъ онъ до сихъ поръ стоитъ кошмаромъ передъ воображеніемъ членовъ правительства: они ищутъ этого таинственного профессора, всегда готовы очищать отъ него университеты. О профессорахъ же, примыкающихъ къ партіи народной свободы, надо сказать по совѣсти, что они неуклонно въ своей академической политикѣ проводили всего дороже для нихъ, какъ для ученыхъ, стоящую идею полной свободы университета, какъ носителя научной культуры, отъ какихъ бы то ни было партійныхъ воздѣйствій. Задача университета понималась ими какъ самодовлѣющая и вѣчная, неприкосновенная, стоящая превыше временныхъ интересовъ политики, какъ бы послѣдніе сами по себѣ бы ни были высоки.

Борьба за независимый отъ текущей политики университетъ, служащій освобожденію родины лишь просвѣщеніемъ духа ея гражданъ научною истиною, являлась для прогрессивной профессуры дорогимъ радѣніемъ въ истекшіе три тяжелые года. Это она доказала! Но вести борьбу она признавала возможнымъ только открыто легальными средствами по отношенію къ властямъ, съ устраненіемъ насилия по отношенію къ студенчеству. Единственнымъ допустимымъ средствомъ для достиженія цѣли ей представлялось—собственное твердое поведеніе на пути исполненія долга, свободное убѣжденіе учащихся, постепенное пріобрѣтеніе довѣрія, созданіе авторитета на почвѣ доказующей силы актовъ жизни, убѣдительнаго дѣйствія добываемыхъ результатовъ¹⁾. Оттого, что путь былъ новъ и истиненъ, оттого былъ и успѣхъ, несмотря на невыносимо трудныя условія.

А успѣхъ былъ! Поищемъ его признаковъ въ реальной дѣйствительности.—Особенно инкриминируется автономнымъ университетамъ «годъ митинговъ и закрытыхъ дверей». Пользуясь временнымъ ослабленіемъ правительства, говорятъ, захватившіе власть неблагонадежные профессора открыли нѣдра школы для революціи, устроили изъ университетовъ «экстерриториальные» (понимай: безнаказанные) очаги преступной аги-

таціи; а когда правительство справилось съ злодѣйскимъ безуміемъ, вытѣснило митинги изъ университетовъ, тогда профессора примкнули къ студенческой забастовкѣ, политиканствовали ничего недѣланіемъ, развращали студентовъ, потворствуя беспорядкамъ, но аккуратно получая отъ казны свое жалованье.—Такова версія «истинно-русскихъ людей».—Но это—сплошная неправда.

Для свободы университета и процвѣтанія его научнаго дѣла ураганъ митинговъ, потрясшій его стѣны осенью 1905 г., былъ великою опасностью, грозившею, быть можетъ, самому существованію просвѣтительныхъ учреждений. Профессора не звали къ себѣ постороннія толпы, охваченныя страстью политическаго протеста. Если вся революціонная и оппозиціонная столица перебивалась въ университетскихъ аудиторияхъ на политическихъ собраніяхъ, то произошло это противъ воли совѣтовъ, даже безъ прямого желанія самихъ устроителей митинговъ. Толпа рвалась въ актовъ залъ потому, что помѣщенія, болѣе соответствующія цѣлямъ публичныхъ собраній, театры, клубы, манежи, оказались запертыми правительствомъ—вопреки принципу манифеста 17 окт., обѣщавшаго право собраній. Волна пошла по линіи наименьшаго сопротивленія и наводнила школу. Совѣты употребили всѣ усилія, чтобы успокоить разгоряченное студенчество, чтобы сдерживать бушевавшія сходки, уничтожить которыя было невозможно безъ катастрофы. То была стихія, которую нельзя было сломить,—можно было только умѣрять ее, локализовать, предотвращая эксцессы. Очень вѣроятно, что только такимъ мирнымъ способомъ дѣйствія, оберегая университеты отъ излишествъ толпы и отъ насилія вооруженнаго вмѣшательства власти, совѣтамъ удалось предотвратить кровопролитіе и огромное бѣдствіе—разстрѣлъ наэлектризованныхъ собраній, разгромъ просвѣтительныхъ учреждений.

Членъ Гос. Думы фонъ-Анрепъ бросилъ тяжелое обвиненіе противъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія: какъ не сумѣлъ онъ мигомъ очистить университеты отъ нашествія постороннихъ. Ораторъ, однако, не указалъ средства: тогда можно было или, по персидски, не оставить отъ университетовъ камня на камнѣ, или поступать такъ, какъ дѣйствовали совѣты, противъ которыхъ министръ разумно не хотѣлъ идти, чтобы не раздувать пожара среди бури.—Правительство само закрыло высшую школу, приставивъ къ дверямъ ея войска. Когда же совѣты твердо заявили, что занятія и не могутъ возобновиться, не грозя жестокой опасностью, пока общество не будетъ успокоено обѣщанными реформами,—реакціонные круги завопили, что профессора отказываются отъ обязанности, одобряютъ бастующее студенчество, потворствуютъ революціи. Между тѣмъ открывать двери высшей школы въ январѣ 1906 г.

¹⁾ Я говорю, главнымъ образомъ, на основаніи опыта петербургскаго университета. Увѣренъ и знаю, что та же линія проводилась и другими. Были ошибки, уклоненія, отступленія или преувеличенія под вліяніемъ особенно ненормальныхъ условий и особенно незаконнаго поведенія мѣстной администраціи въ провинціальныхъ центрахъ. Въ подтвержденіе правильности моего толкованія точекъ зрѣнія, одушевлявшихъ дѣятельность совѣтовъ за эти годы, могу сослаться на то, что писалось тогда профессорами въ періодической печати по академическимъ вопросамъ.

при остромъ возбужденіи различныхъ классовъ общества, съ одной стороны, при сохраненіи, съ другой, условій военныхъ генераль-губернаторствъ, отсутствіи свободъ и неприкосновенности личности—это значило вновь пускать туда митинги, загонять студенчество и населеніе въ кровавую западню, или подъ охраною военно-полицейскаго насилія играть въ фикцію занятій, по методѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ. На такое зловѣщее испытаніе не могли пойти въ угоду реакціи автономные совѣты. Среди напряженной борьбы 1905—6 г., невозможно было школъ нести свой просвѣтительный трудъ. То была бѣда серьезная и тяжкая; но неизбежность ея необходимо было констатировать.

Профессорамъ университетовъ, получившихъ автономію, не удалось восстановить правильныхъ занятій въ первый же годъ ея функционирования. Нельзя было избавиться отъ «безпорядковъ» школу среди воспламененной страны!—Да, конечно!—Но, очевидно, никакіе школьные порядки не обладаютъ такою чудодѣйственною силою. Вѣдь и годы устава 84 г. были порою хроническихъ студенческихъ безпорядковъ и парализованной учебной работы. Правительство также не сумѣло своимъ школьнымъ режимомъ предотвратить уродливый фактъ, что и гимназисты вообразили себя политическими дѣятелями. А почему? Потому что и гимназистъ—живая личность, духа которой нельзя безнаказанно давить. Да, но автономія все же сдѣлала много въ этотъ нечеловѣчески трудный годъ. Съ чистою совѣстью утверждаю: сначала огражденіемъ митинговъ, въ которыхъ участвовало перевозбужденное студенчество, отъ насильственной репрессіи, а потомъ оставленіемъ университетовъ закрытыми совѣты профессоровъ избавили родину отъ лишняго потрясенія, не дали, м. б., начертаться новой мрачной страницѣ въ лѣтописи правительственной борьбы противъ общественнаго движенія. Это — единственное, что было достижимо. Но при этомъ профессора не молчали и не потворствовали. Они протестовали передъ студентами противъ митинговъ, какъ противъ насилія надъ свободою и назначеніемъ университетовъ. Студенты знали мнѣніе профессоровъ и приучались видѣть его чистымъ отъ полицейской поддержки. Профессора начали борьбу противъ излишествъ движенія, но достойными, мирными, прогрессивными средствами. Вотъ, правда о первомъ годѣ новой «автономіи» среди стараго, «полицейско-бюрократическаго произвола» ¹⁾.

¹⁾ Два слова по поводу обвиненія въ „не дѣланіи“. Профессора не читали лекцій, ибо голосъ ихъ глухъ среди бури, утишить которую было не въ ихъ власти. Но сложа руки они не сидѣли. Они пролагали первые пути взаимодѣйствія со студенчествомъ черезъ посредство признаннаго за ними съ силу указа 27 авг. права представительства. Это было очень нелегкое дѣло. — Они несли далѣе огромный трудъ по выработкѣ основъ новаго университетскаго закона, по установкѣ принциповъ новой системы ученія и преподаванія. Такъ зала

Второй изъ рассматриваемыхъ трехъ лѣтъ явилъ необычайное зрѣлище возстановившейся научной работы въ стѣнахъ долго пустовавшей совѣтъ или занятой анемичною умственной жизнью высшей школы. Говорю—«необычайное» потому, что ненормально было положеніе, въ которомъ находилось общество, равнавшееся къ свободѣ и оттѣсняемое отъ нея. Неустойчиво было равновѣсіе самой школы, колеблемой перипетіями распри совѣтовъ за автономный строй съ бюрократическою администраціею, стремившеюся опять покорить ее подъ произволь усмотрѣнія, при отсутствіи твердаго и полнаго, ясно формулированнаго и всѣми признаваемаго закона, среди конфликтовъ указа 27 авг. и исчезнуваемаго призрака устава 1884 г. — Профессора, отстаивая автономію, противъ реакціонной политики на одинъ фронтъ, обращенный къ власти,—по другому фронту, въ сторону студенчества, продолжали громко звать его отъ политики къ наукѣ, указывая, что ареною политики не можетъ и не должна быть школа, и неуклонно протестуя противъ захвата университетской территоріи политической агитаціею. Очень большое число молодежи отозвалось на голосъ учителей.

Давно не процвѣтала такъ въ университетѣ работа, какъ послѣдніе два года: давно такъ воодушевленно не наполнялись аудиторіи; давно не тѣснилось такъ много студентовъ у рабочаго стола въ лабораторіяхъ и вновь организовавшихся семинаріяхъ; давно не ощущалась въ юношествѣ такая зовущая потребность къ научному труду послѣ долгаго умственнаго голода. Съ этой стороны, отрадно было чувствовать возрождающуюся академическую жизнь. Въ смутные для Россіи, мрачные годы, не только удалось вернуть высшую школу къ ея природному дѣлу; оказалось возможнымъ и заложить основы новой системы преподаванія, которая должна была дѣйствительно освободить ученіе отъ мертвой регламентаціи, отъ рабства неподвижнымъ схемамъ, отъ стѣсненія духа несоотвѣтствующими его развитію формами. Таково единодушное свидѣтельство совѣтовъ всѣхъ рѣшительно университетовъ, которые могли жить и работать въ сколько нибудь выносимыхъ условіяхъ.

Но тяжело давались первые, воскрешающіе

гался фундаментъ новаго зданія, очертанія котораго, казалось уже видѣлись вблизи. Необходимо при этомъ отдать справедливость министерству гр. И. И. Толстого, П. П. Извольскаго и І. П. Герасимова: оно оказывало работѣ профессоровъ довѣріе, отъ котораго они давно отвыкли. Какъ будто открывался и здѣсь новый курсъ. Не виновны ни совѣты профессоровъ, ни смѣненное министерство, если результатъ коллективной работы, массы потраченного времени (и государственныхъ средствъ) пропали даромъ, и послѣдовавшія министерства вновь предпочли, перечеркнувъ проекты, надъ которыми трудилась вся совокупность ученыхъ силъ страны, передать дѣло въ руки чиновниковъ, пойти по проторенной дорожкѣ, хотя на опытъ она и привела уже къ тупику.

школу шага. Надобно было справиться съ охватившимъ академическій быть разстройствомъ, возсоздать изъ развалинъ стараго бюрократизованнаго механизма новый свободный строй. Увлеченное сознаніе многочисленныхъ элементовъ студенчества продолжало ослѣпленно стоять на точкѣ зрѣнія «университетъ—очагъ революціонной борьбы» и гордиться этою формулою, какъ высокимъ прогрессивнымъ знаменемъ. Профессорскій же девизъ—«университетъ для науки»—они еще готовы были смѣшивать съ реакціонными призывами. Организовавшееся силою вещей во время разлива движенія радикальное студенчество ставило себя по отношенію къ объединенной автономіи профессурѣ въ позицію враждебнаго ей лагеря. Неся на себѣ тяжелое наслѣдье, разобщеніе и недовѣріе, приходилось напряженно работать для замѣны этого зла болѣе нормальнымъ отношеніемъ между учащими и учащимися; приходилось устанавливать порядокъ среди анархіи, въ которой оставила школу капитулировавшая было бюрократическая власть.

Въ старомъ университетѣ «послушаніе» думали обезпечить надзоромъ инспекціи и репрессіями обезличенной университетской администраціи подѣ постояннымъ давленіемъ высшаго начальства и полицейской диктатуры. Теперь эта система пала, и автономные совѣты задались цѣлью создать на ея мѣстѣ живую дисциплину свободной связи и авторитетнаго вліянія выборной университетской власти на студенчестве, за которымъ было наконецъ также признано право организоваться. Задача могла казаться невыполнимою, настолько разъединеніе между элементами университетскаго населенія рисовалось глубокимъ, достиженіе взаимнаго пониманія—химерою. Однако оно зарождалось и ростъ его быстро пошелъ впередъ.

Мнѣ довелось въ Петербургѣ состоять членомъ совѣтской исполнительнѣйшей комиссіи во всѣ три года дѣйствія автономіи. Я знаю, какъ развивалась сложная цѣпь тяжелыхъ усилій въ этой работѣ по упорядоченію внутренней жизни высшей школы полномочными органами совѣта, и могу говорить какъ освѣдомленный человѣкъ. Передъ глазами нашими прошла краткая и выразительная исторія сношеній съ много прославленнымъ, но и много поруганнымъ «совѣтомъ старости», рисующимся теперь страшнымъ дѣтищемъ революціи. Я не дерзнулъ бы никогда по святому для меня дѣлу университетскаго возрожденія, сказать обществу что нибудь необдуманное или преувеличенное, подчиняясь личному или партійному пристрастію. Самымъ строгимъ образомъ провѣряя и взвѣсивая свои воспоминанія, сообщаю здѣсь наблюденія о ходѣ и результатахъ поучительнаго опыта дѣйствовать на молодежь не устрашающей силою, а убѣждающимъ словомъ.

Первоначальная атмосфера была тяжелая, едва выносимая; тонъ студенческихъ предста-

вителей—заносчивый и оскорбительный; притязанія—непомѣрны. Сознаніе политическаго положенія было въ нихъ затуманено увлеченіемъ воображаемою ролью руководителей движенія, важныхъ пособниковъ лѣвыхъ партій, казавшихся имъ побѣдоносными. Уваженія къ университету, какъ таковому, не было въ активныхъ группахъ студенчества. Онѣ отдавали всѣ силы на поддержаніе внутри академій политической борьбы. Мы же никогда не скрывали горячаго отрицанія подобныхъ теорій, рѣшительно протестовали противъ захвата студентами чуждаго имъ права распоряженія школою. Мы твердо ставили тезисъ: университетъ долженъ служить научному просвѣщенію, и руководство имъ—прерогатива совѣта. Мы шли навстрѣчу справедливо заявляемымъ нуждамъ студенчества, помогая образованію и ихъ организованной автономіи, утверждая и за ними сферу независимыхъ дѣйствій въ кругу осуществленія ихъ учебныхъ, матеріальныхъ и общественныхъ интересовъ въ школѣ. Но мы ясно и отвергали подчиненіе университета цѣлямъ, ему не присущимъ, не допускали превращенія академій въ поле политическихъ распрей. Мы готовы были защищать студенчество отъ репрессій, когда оно подчинялось нами насаждавшемуся порядку, а полиція пыталась производить на нихъ натиски, противорѣчившіе провозглашеннымъ свободамъ. Но мы безусловно отказывались не только отъ солидарности, но и отъ сношеній въ моментъ нарушенія ими началъ новаго строя, когда они, выступая за предѣлы предоставлявшагося имъ круга дѣйствій, вносили въ замиравшіяся аудиторіи шумъ уличной битвы.

Мы боролись противъ анархіи въ университетѣ—всякой анархіи и произвола, какъ реакціонныхъ, такъ и революціонныхъ,—всѣми мѣрами, допустимыми разумомъ и совѣстью гражданъ, стоящихъ за право, и, главное,—учителей юношества, при абсолютномъ воздержаніи отъ насильственныхъ каръ, физическаго принужденія. Правители, желающіе быть педагогами, неужели могутъ представить хорошую школу лишь подѣ дѣйствіемъ «розги учителя», какъ въ глухомъ средневѣковѣ? Неужели они не помнятъ противоположнаго образа «casa gioiosa» (дома радости) вѣровавшихъ въ жизнь и людей гуманистовъ эпохи возрожденія.

Способами старой бурсы, полицейскаго дома, тюрьмы, даже іезуитской коллегіи не овладѣете нынѣ душою молодежи.—Общеніе со «студентомъ» и хорошее на него воздѣйствіе—очень трудная вещь. Сложность духовной организаціи юношества зависитъ отъ того, что въ ней переплетается много лучшихъ свойствъ взрослого съ яркими, но бессознательными реминисценціями раннихъ возрастовъ. Въ настроеніи его господствуетъ способность и склонность къ широкимъ философскимъ концепціямъ, и воля его самонадѣянно влечется къ широкой дѣятельности, а умъ часто являетъ незрѣлость, и отсут-

ствие опыта лишает солидного корректива воздушных построений фантазии. В русском же студенте сложность эта удесатеряется специфическою экзальтацией и озлоблением против давившаго его идеалистическаго стремления жестокаго и грубаго режима. Съ подобнымъ типомъ душевнаго развитія педагогика насилия безсильна. Тутъ требуется система, полная глубокой искренности и бережнаго вниманія, одновременно тонкая и смѣлая, твердая и снисходительная и всегда благородная. Пусть подумаютъ объ этомъ тѣ, кто много надѣется на педагогию.

Профессора, впрочемъ, и не берутъ на себя задачи воспитанія студенчества, и университетъ не является педагогическимъ институтомъ. Способнымъ къ сознательному выбору юношамъ дѣятели его предлагаютъ руководящее общеніе въ серьезномъ умственномъ трудѣ. Воздѣйствіе на нравственную личность учащагося можетъ быть лишь результатомъ такой научной работы, а не плодомъ специальныхъ педагогическихъ приемовъ. Профессора въ эти смутные переходные годы подходили къ студентамъ съ гражданскими, а не школьными критеріями, ставя въ основу своихъ дѣйствій идею права и сотрудничества въ общемъ дѣлѣ. — И что же? Сколько ни мѣшали постороннія препятствія успѣху такой системы, искренняя попытка дала плодъ.

На фонѣ дѣятельной научной работы и человѣчныхъ отношеній, основанныхъ на уваженіи старшими потребностей младшихъ, стали разсѣиваться тучи взаимнаго недовѣрія. Утвержденіе правовыхъ, конституціонныхъ порядковъ неминуемо успокаиваетъ революціонный пылъ. — Уже къ концу втораго года взаимодѣйствіе ректора, проректора и совѣтской коммисіи со студенческими организаціями и совѣтомъ старостъ принимало все болѣе мирный, нормальный, дружескій характеръ. Послѣдніе постепенно отказывались отъ чрезмѣрныхъ претензій, безправныхъ дѣйствій, проводившихся «явочнымъ порядкомъ», все болѣе сознавая необходимость подчиняться новой университетской власти, признающей и ихъ корпоративные интересы. Они видѣли, что эта власть всегда мотивируетъ свои требованія, готова и измѣнять ихъ, если жизнь докажетъ ихъ нецѣлесообразность. Ничто такъ не сокрушаетъ авторитета, какъ претензія на непогрѣшимость, неизбѣжно опровергаемая опытомъ.

Могутъ возразить: да, студенты очнулись, но только подъ отрезвляющимъ вліяніемъ твердости, вернувшейся въ руки правительства. Они сложили оружіе лишь подъ угрозою репрессіи. Почему же, спрошу, самой рѣшительной практикой репрессіи не удалось раньше сломить студенческихъ безпорядковъ, и они нарастали вплоть до 1905 г.? Тогда общество было слабѣе, правительство же казалось всемогущимъ. — Почему не предположить, что въ душахъ юношества именно лучшія формы жизни, при авто-

номіи умѣрили страсти, помогли здраво взглянуть на положеніе? Неужели нельзя считать доступною ихъ сознанію идею, что всякое общество нуждается въ законѣ, проводить который должна власть, а что «явочный порядокъ» есть анархія? — На студенческихъ сходкахъ третьяго года (1907—8) уже раздавались девизы — «стоять за университетскую автономію». Это громадный шагъ впередъ отъ прежняго разрушительнаго клича — «использовать высшую школу какъ революціонный очагъ». — Начало такой эволюціи умовъ положено было новыми порядками.

Чего никогда не достигнуть репрессіи и насиліе, того въ концѣ концовъ добьются гуманность и право. Въ короткое время, пока высшая школа оставалась, сравнительно со всею Россіею, свободнымъ пріютомъ, гдѣ утверждались автономные порядки, въ ней медленно, но опредѣленно происходило успокоеніе, и созиданіе смѣнило разрушительную бурю. Дѣло «просвѣщенія» въ нихъ обновлялось подъ охраною мѣстной «конституціи». — Мы присутствовали при поучительной эволюціи въ студенческихъ понятіяхъ и настроеніяхъ. Цѣлый рядъ прежнихъ идоловъ теряютъ власть надъ думами. Поколебленъ, на примѣръ, въ умахъ многихъ авторитетъ одного изъ самыхъ отсталыхъ и уродливыхъ традиціонныхъ институтовъ студенческаго быта: раздаются рѣшительные голоса противъ законодательной обязательности для всего студенчества постановленій безформеннаго «вѣча», такъ называемой «общей сродки». Тѣмъ самымъ открывается освобожденіе для жизни и поведенія отдѣльной личности, для права организованныхъ группъ отъ измѣнчивой и часто слѣпой диктатуры нерѣдко случайной толпы. Приобрѣтается сознаніе мысли о необходимости противъ тиранніи массы надъ меньшинствомъ въ такомъ учрежденіи, какъ школа, которая не можетъ и не должна быть единою политическою организаціею. Идетъ въ молодежи дѣятельная борьба за установленіе правильнаго представительства или федерированія сложившихся кружковъ и группъ, какъ средства осуществленія различнаго рода студенческихъ интересовъ. Выдвигается задача въ рядахъ прогрессивнаго студенчества обезпечить самостоятельность отдѣльных организацій отъ давленія органовъ большинства.

Самый «университетъ» вновь выступаетъ передъ глазами молодежи, какъ независимо существующая единица, обладающая особою природою и значеніемъ, не только какъ удобное средство, но и какъ великая цѣль. Омертвѣвшій образъ вспрыснутъ живою водою и опять начинаетъ волновать умы и привлекать сердца, вызывать потребность служенія, вселять ощущенія радости и благодарности. — Все тѣ же «старосты» и выдвигавшія ихъ группы начинаютъ понимать, что студенческая революція — теперь ужъ плохое средство для освобожденія страны, что надобно вывести общую политику изъ школы. Они все бо-

лѣе отдаются «профессиональной» работѣ по защитѣ дѣйствительно, «студенческихъ» интересовъ, матеріальныхъ и социальнo-бытовыхъ, учебныхъ, научныхъ... Самое отрадное—это то, что великая фигура науки становится, какъ и подобаетъ, могучимъ центромъ и цементомъ, который вернетъ школу къ истинно свойственной ей жизни и дастъ ей единство и силу. Это—надежнѣйшій спаситель. Она сдѣлаетъ все, если только извне грубое насилие вновь не подрѣжетъ вырастающія крылья.

Теперь уже живительное дыханіе науки вносить во все углы университетскаго зданія не только обеззараживающую, но и возрождающую струю. Разсыпавшіеся атомы сближаются, и вырастаютъ изъ нихъ живущія и работающія тѣльца. Объединяются дѣятельныя группы около лабораторій, семинаріевъ, кабинетовъ подъ притяженіемъ вдохновляющихъ ихъ профессоровъ и преподавателей, около студенческихъ научныхъ кружковъ; даже товарищескія землячества создаютъ живыя связи на мѣстѣ прежняго парализованнаго «распыленнаго» заустѣнія. Мало все это еще жило; но безпристрастный, внимательный, проникнутый любовью наблюдатель можетъ увидѣть и увѣровать, какою хорошею, могучею силою можетъ стать университетъ, гдѣ организованная профессура и организующееся студенчество вступаютъ между собою въ свободное взаимодействіе подъ девизомъ уваженія взаимныхъ правъ и обязанностей, подъ эгидою служенія наукѣ, не тревожимые и не разстраиваемые политическимъ гнетомъ. Такое сочетание—лучшая гарантія существованія школы и порядка въ ней.

V.

Казалось бы, школа шла именно по пути, предначертанному формулой П. А. Столыпина. Наставало несомнѣнное успокоеніе. Стало быть, приходило время для продолженія реформъ. Между тѣмъ, послѣдняго не видно. Какъ будто даже наоборотъ: противъ успокоившейся, работающей школы готовятся кары за какія-то совершенныя беззаконія за осуществленныя «захватнымъ правомъ» дѣла. Какъ будто чувствуется въ правительствѣ намѣреніе отнять у нея пріобрѣтенныя и начавшія прививаться права самоуправленія путемъ тенденціознаго толкованія, а то и нарушенія указа 27 авг. Какъ будто у правительства, занятаго въ предшествующемъ году обузданіемъ общества, теперь освободились руки для приведенія къ покорности школы.

Уже правила 11 іюня 1907 г., для которыхъ совѣтъ министровъ исходатайствовалъ Высочайшаго одобренія, представлялись руководителямъ университетовъ рѣшительнымъ ограниченіемъ дарованныхъ совѣтамъ распорядительныхъ правъ. Отъ нихъ вѣяло не реформами, а возвратомъ къ старому порядку.—Здѣсь нѣтъ возможности анализировать содержаніе этого и послѣдовавшаго за нимъ ряда правительственныхъ мѣро-

пріятій противъ свободы университетовъ. Да они и были достаточно разобраны въ печати. Важно тутъ только ихъ сопоставить и освѣтить въ перспективѣ параллельно двигавшіяся два теченія—положительное, внутри школы, и отрицательное, въ отношеніи высшей администраціи къ этому строительству.

Опасаясь возбудить волненіе въ студенчествѣ, совѣты воздержались отъ конфликта съ министерствомъ; они выбивались изъ силъ, чтобы отыскать выходъ изъ создавшагося затрудненія, найти такое толкованіе правилъ 11 іюня, которое привело бы ихъ къ согласію съ духомъ закона 27 авг. и обезпечило отъ разрушенія то, что уже создано было внутри академій на ихъ основаніи. Это имъ удалось каждому примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ создавшагося положенія, но вездѣ безъ противорѣчія закону. Удалось и убѣдить студенчество не подниматься противъ того, что дѣлаютъ профессора въ общихъ интересахъ правильнаго развитія академическаго строя. Но пригнетавшая автономію политика министерства продолжалась: стѣснялось студенческое представительство, организаціи молодежи, права и преимущества различныхъ категорій слушателей. Циркуляры шли въ разрѣзъ съ линією поведенія, которую по праву начерчивали совѣты и ихъ органы; отказывалось въ утвержденіи важнымъ рѣшеніямъ совѣтовъ, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ налагалось veto на избраніе преподавателей, и профессора назначались помимо совѣтскаго выбора.

Многія изъ такихъ ограниченій не вызывались никакими мотивами или поводами. Въ частности, преслѣдованіе въ Петербургѣ правительствомъ института «факультетскихъ старость» можетъ быть объяснено только неосвѣдомленностью министерства или прямымъ стремленіемъ во что бы то ни стало разбить создающуюся организацію. Наверху этихъ представителей студенческихъ интересовъ характеризуютъ какъ опасный «комитетъ общественнаго спасенія», который держитъ студентовъ подъ тиранніею своей диктатуры, слѣпо повинаясь самъ законамъ революціонныхъ партій вне университета, всегда готовый взорвать внутри школы покой.

Таковы были, быть можетъ, мечтанія крайнихъ направленій молодежи въ 1905 г., но не таковы формы, въ которыхъ совѣтамъ удалось въ согласіи съ большинствомъ активнаго студенчества вылить институтъ факультетскихъ старость нынѣ. Автономная администрація университетовъ отрицала за старостами самостоятельную власть, особенно захватывающую студенчество какъ цѣлое. Они признавались органомъ той части (очень значительной) учащихся, которая интересуется коллегіальнымъ устройствомъ своего быта и желаетъ имѣть посредниковъ для сношеній о своихъ нуждахъ съ университетскою администраціею. Давленіе старость на всю

массу студенчества устранялось; рядомъ съ ними совѣтъ признавалъ и другія, легально сложившіяся организаціи, и входилъ въ сношенія съ комитетами всѣхъ утвержденныхъ кружковъ.

Если во время выборовъ нынѣшнихъ старость, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ тонѣ ихъ рѣчей или резолюцій сквозятъ еще отзвуки революціонной фразеологіи, то неужели же на такихъ признакахъ можно основывать серьезныя перемены школьной политики?—Совѣтъ петербургскаго университета и особенно ректоръ, проректоръ и совѣтская комиссія могутъ, увѣренъ, единодушно засвидѣтельствовать, что для нихъ существованіе факультетскихъ старостъ было драгоценнымъ условіемъ сохраненія мира внутри университета, выработки нормальныхъ отношеній со студентами и укрѣпленія авторитета профессоровъ. Разрушеніе же этого выработаннаго жизнью учрежденія, которое министерство хочетъ уничтожить, не только теоретически противорѣчитъ смыслу указа 27 авг., т. е. нарушаетъ законное право автономіи, но и фактически рѣзко подрываетъ заложенные основы академическаго благосостоянія.

Правительство думаетъ этимъ разрушеніемъ предупредить новую вспышку волненій въ университетѣ. Но если поднимутся такіа волненія съ грозною силою, какъ отзвукъ новой общественной бури, запретъ власти не помѣшаетъ возникновенію, можетъ быть, и опасныхъ тайныхъ или «явочныхъ» революціонныхъ организацій. Наличие же легальнаго представительства различныхъ студенческихъ группъ, признаваемого профессорами и уважающаго профессоровъ—лучшее средство для улаженія общественныхъ конфликтовъ внутри школы. Организованный университетъ, привилегіи котораго соблюдаются правительствомъ, борется лучше за свое легальное существованіе, чѣмъ разстроенная, разобщенная сила, постоянно раздражаемая нарушеніемъ правъ.

Необходимо прямо высказать эти соображенія въ виду надвигающейся, быть можетъ, грозы. Къ тому же результату—разоренію мучительно трудно слагающагося блага—приведутъ и другія попытки дезорганизаціи сожителствующихъ въ университетѣ элементовъ,—запрещенія различныхъ кружковъ и товариществъ, допускаемыхъ совѣтомъ, стѣсненіе собраний, и также лишеніе цѣльныхъ категорій слушателей учебныхъ правъ. Всякое такого рода министерское вмѣшательство въ законную дѣятельность совѣтовъ можетъ произвести лишь губительное вліяніе, расшатать устанавливающееся политическое спокойствіе и возраждающую умственную энергію университетовъ. То будетъ разрушеніе строительства.

Мѣра, принятая противъ вольнослушательницъ, представляетъ особенно яркій примѣръ внесенія смуты въ здоровѣющія условія академическаго быта. Никакого вреда онѣ университетамъ не принесли; напротивъ, равно-

сильною работою женщины доказываютъ справедливость ихъ равноправія съ учащимися мужчинами, не претендуя притомъ пока на таковое. Мотивировка незаконности ихъ присутствія въ университетѣ дана довольно шаткая. Даже уставъ 1884 г. нигдѣ *explicite* не закрываетъ женщинѣ двери университета. Въ такихъ рамкахъ, руководствуясь предоставленнымъ имъ 27 авг. полномочіемъ, совѣты по праву могли расширять составъ учащихся, отнимать у нихъ это право, значить нарушать законную автономію, притомъ безъ всякихъ основаній для государственной пользы.

Министерство стремится стать на убивающую жизнь точку зрѣнія—«что не дозволено прямо, то запрещено». Это—путь ко всякому произволу въ толкованіи закона. Изгнаніе же изъ университетовъ наличныхъ вольнослушательницъ является собою неслыханный примѣръ нарушенія легально приобрѣтенныхъ правъ сообщеніемъ новому распоряженію обратной силы. Это не можетъ не вызвать возмущенія въ студентахъ, какъ и въ профессорахъ. Последнее же объясненіе министерства, что оно никогда не признавало вольнослушательницъ, а теперь восстанавливаетъ законъ, нарушенный захватомъ, дышитъ такимъ софизмомъ, что его тяжело и неловко читать.

Воздухъ полонъ слуховъ о дальнѣйшихъ планахъ правительственныхъ стѣсненій противъ академической автономіи. Неизвѣстно, что въ нихъ фантазія, что предвидѣніе. Толкуютъ на примѣръ о возвратѣ къ ограниченію доступа въ высшую школу гонимыхъ національностей. Опять обостряется великая бѣда русской жизни,—призывъ къ племенной розни.—Все это... тревожные, мрачные симптомы, которые выдвигаютъ передъ дѣятелями школы обязанность указать на опасность, честно объяснить, къ чему приведетъ такой походъ—къ гибели вмѣстѣ съ вольностями зиждительной роли высшей школы, безъ которой исчезнетъ возможность развитія государства и общества.

Что же нужно дѣлать?—Программа проста, какъ рѣдко бываетъ въ сложномъ процессѣ народной жизни. Трудна она только тѣмъ, что противорѣчитъ застарѣлымъ шаблонамъ, укоренившейся консервативной рутинѣ. Но надо найти смѣлость порвать заржавленную цѣпь.—Министерство въ своихъ столкновеніяхъ съ автономіею университетовъ ссылается на законъ, какъ будто бы послѣдняя его нарушаетъ.—Какой это законъ?—Живое право должно твориться вновь въ обновляющейся школѣ. Основа его записана въ государственномъ актѣ 27 августа 1905 г. Лучшею правительственною мудростью будетъ дать мѣсто широкому толкованію его началъ и ихъ свободному развитію тамъ, гдѣ старый уставъ имъ противорѣчитъ. Иначе академическая жизнь не выйдетъ изъ конфликтовъ.

Профессора вправѣ рассчитывать на довѣріе. Во главѣ министерства стоитъ бывший профес-

соръ, который самъ ссылался въ Думѣ на скоро полувѣковое прошлое своего служенія школѣ. Такой долгій опытъ долженъ дать пониманіе ея назрѣвшихъ, неотложныхъ нуждъ. Нельзя вѣрить, чтобы правительственная мысль осталась неподвижною. — «Ничему не научиться и ничего не забыть» невозможно тѣмъ, кто руководить судьбами Россіи въ роковой моментъ поворота ея къ великому благу или къ дальнѣйшему крушенію.

Поддержать довѣріемъ развивающуюся автономію въ переходные годы, предоставивъ совѣтамъ расширительное толкованіе указа 27 авг., какъ можно скорѣе двинуть въ Государственную Думу новый уставъ, и не тотъ проектъ, который написанъ въ канцеляріи, а тотъ, который выработанъ специалистами университетскаго дѣла, открывъ свободное обсужденіе спорныхъ вопросовъ... Вотъ, превосходная дорога и плодотворный трудъ для министерства, дѣлдвиженія и созиданія, а не задержки и охраны. Въ старой школѣ мало есть у насъ, что беречь. Водворить въ жизни школы широкое творчество—какая это великая цѣль!

При этомъ министерство не должно отгораживаться отъ профессоровъ и ихъ самихъ отгораживать отъ общества; какая тѣмъ пріобрѣтется новая сила! Подспорьемъ же и прочною почвою для возрожденія университетовъ и съ ними вмѣстѣ прогресса въ ростѣ народнаго духа, должна послужить обширная работа по созиданію общеобразовательной школы (низшей и средней). Въ сокахъ ея будутъ питаться корни университетовъ, подъ свѣжимъ дыханьемъ ея оживетъ страна. — Министерство говоритъ о какой то школѣ, которую хочетъ организовать для подбора лучшихъ, способнѣйшихъ гражданъ. Можетъ быть, то будетъ и хорошая школа. Но пусть она развивается силою вещей, а не убивающею всѣ различія системою протекціонизма. Освобожденной инициативѣ общества надо предоставить творить и другіе типы образовательныхъ учреждений, системъ. Университетамъ же необходимо вручить полномочіе пускать въ свои стѣны тѣхъ, кого руководящія ими, коллегіи—считаютъ подготовленными къ занятіямъ наукою. Онѣ же однѣ компетентны судить о своей емкости, ограничивать или нѣтъ пріемъ. Правительство можетъ закрыть доступъ къ государственной службѣ тѣмъ, кто не прошелъ апробованной имъ школы; но лишать учившихся иначе права на научное образованіе, разъ сама высшая школа открываетъ имъ двери,—было бы жестокимъ нарушеніемъ духовныхъ интересовъ многихъ и многихъ достойныхъ; это было бы обезкровленіемъ общества. А затѣмъ пусть тутъ же падутъ тяжелыя переживанія исключительныхъ законовъ, господствующихъ и въ сферѣ просвѣщенія, выдѣляющихъ и отбрасывающихъ національности, вѣроисповѣданія, полъ... въ полученіи благъ, присущихъ человѣку вообще.

Не стѣсняемая, положительная работа обще-

ственныхъ силъ, производящихъ духовныя цѣнности, и помогающее имъ, благожелательно руководящее, просвѣщенное, гуманное и терпимое, сознающее свою отвѣтственность передъ народомъ правительство,—пусть отъ такой давно желанной комбинаціи вздохнетъ наконецъ истомленная страна!

Я сказалъ, что думаю о положеніи школы, стараюсь очиститься отъ субъективныхъ пристрастій, воздерживаясь отъ личныхъ нападокъ, не претендуя на безошибочность, но скромно вѣруя въ справедливость своего мнѣнія. Я начертилъ правду по совѣсти, провѣряя свои взгляды убѣжденіями многихъ друзей и товарищей по дѣлу. Увѣренъ, что это мое право, и знаю, что это—священный долгъ. Хотѣлъ бы быть выслушанъ и обществомъ, и правительствомъ и убѣдить обоихъ въ правильности нарисованной картины и сдѣланнаго вывода.

Свободная школа всегда будетъ оплотомъ мирнаго прогресса, школа угнетаемая, неизбежно станетъ ферментомъ революціи. Поддерживать и сама переносить насильственную неподвижность она не можетъ по природѣ, по сути своего бытія. Она тогда погибаетъ, унося съ собою то, безъ чего нельзя жить великому государству, великому народу.

Блага культуры—абсолютная цѣнность, и охрана ея очаговъ—обязанность, стоящая выше интересовъ партій и политическихъ системъ. Если для какой-нибудь политики нужно подавлять свободу просвѣщенія, такая политика—враждебна народному благу и сама осуждаетъ себя, какъ зло.

Ив. Гревсъ.

Графъ Н. П. Игнатьевъ и «Временныя правила» о евреяхъ 3 мая 1882 года.

(Окончаніе ¹⁾).

II.

Торопясь осуществить задуманный планъ и, повидимому, опасаясь встрѣтить противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ министровъ, гр. Игнатьевъ пытался убѣдить предсѣдателя комитета министровъ, что предлагаемая имъ мѣры не являются, по существу, новыми, а потому нѣтъ необходимости ознакомить съ ними министровъ юстиціи и финансовъ до разсмотрѣнія проекта въ комитетѣ министровъ. Однако копіи матеріаловъ были все же доставлены министрамъ, и трое изъ нихъ представили свои заключенія.

Даже министръ государственныхъ имуществъ Островскій, отнюдь не питавшій благорасположенія къ евреямъ, высказалъ сомнѣніе, могутъ ли «временныя правила», значительно ограничивающія права евреевъ, быть осуществлены не обычнымъ законодательнымъ порядкомъ, а

¹⁾ См. „Право“, № 30.

путемъ разсмотрѣнія ихъ въ комитетѣ министровъ; при этомъ онъ отмѣтилъ, что исполненіе этихъ мѣръ должно было бы послѣдовать «съ наименьшими насиліями, съ возможнымъ спокойствіемъ и съ возможнымъ ограниченіемъ страданій десятковъ тысячъ душъ *«хотя бы и евреевъ»*, но правила не соотвѣтствуютъ этой необходимости, а между тѣмъ значительная часть евреевъ, живущихъ въ деревняхъ, бѣдствуетъ *«въ полномъ смыслѣ этого слова»* и не можетъ выселиться за неимѣніемъ средствъ.

Съ болѣе рѣзкой и обоснованной критикой выступилъ министръ финансовъ Бунге.

«Надлежитъ сознаться, писалъ онъ, что предлагаемыя мѣры не могутъ не возбуждать, при самомъ правильномъ исполненіи ихъ, весьма существенныхъ возраженій, особенно при томъ условіи, что онѣ предполагаются къ осуществленію немедленно и не какъ органической законъ, а въ видѣ временныхъ правилъ, хотя правила эти должны примѣняться къ цѣлымъ сотнямъ тысячъ людей, имѣющихъ весьма обширныя торговныя сношенія и сдѣлки, и съ участіемъ которыхъ связаны, въ большинствѣ случаевъ, интересы и христіанскаго населенія».

Приведя далѣе статистическія данныя о торговопромышленной дѣятельности евреевъ, Бунге продолжалъ.

«Это (торговое) значеніе было причиною замѣчаемаго неоднократно колебанія въ правительственныхъ распоряженіяхъ относительно евреевъ. Неоднократно противъ евреевъ предписывались самыя крутыя мѣры и тѣмъ не менѣе мѣры эти впослѣдствіи отмѣнялись, что происходило, безъ сомнѣнія, не отъ слабости Правительства, а по причинамъ, оправдывавшимся высшими государственными соображеніями... Многія изъ установленныхъ ограниченій были отмѣняемы, такъ какъ практика указывала, что эти ограниченія даютъ только поводъ къ злоупотребленіямъ низшихъ властей, не принося существенной пользы сосудаству... За евреями узаконено было право гелиться въ деревняхъ, заниматься продажей питей внѣ городовъ и селеній, пріобрѣтать также недвижимыя имущества, постепенно облегченъ переходъ евреевъ во внутреннія губерніи Россіи или въ качествѣ лицъ, имѣющихъ обширныя торговые обороты, или въ качествѣ спеціалистовъ-техниковъ. Въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ обращеніе къ противоположному направленію, притомъ, какъ уже сказано выше, не въ видѣ общаго закона, а въ видѣ отдѣльныхъ и временныхъ мѣръ, которыя, тѣмъ не менѣе, должны отмѣнить многія дѣйствующія постановленія, изданныя законодательнымъ порядкомъ и состоявшіяся на основаніи особыхъ, безъ сомнѣнія, весьма важныхъ соображеній.

«Допуская даже, что оставленіе евреевъ въ селеніяхъ нежелательно и что нежелательно также сохраненіе за ними права раздробительной торговли питеями въ деревняхъ, нельзя не

согласиться, что едва ли было бы удобно сразу установить такія мѣры, послѣдствіемъ которыхъ было бы неизбежное разореніе многихъ лицъ¹⁾... Не трудно указать на результаты, къ которымъ можетъ привести немедленное воспрещеніе евреямъ торговли въ селеніяхъ и изгнаніе ихъ оттуда по приговорамъ крестьянскихъ обществъ»; съ одной стороны подобная мѣра можетъ причинить вредъ торговлѣ и вызвать громадныя убытки, а съ другой стороны «дастъ поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ со стороны крестьянскихъ обществъ, отдавая въ полный произволъ еврейское населеніе и открывая, такимъ образомъ, широкое поле для взятокъ, насилій и всякаго рода притѣвленій мірскими властями; составленіе приговоровъ крестьянскими обществами объ удаленіи евреевъ изъ селеній, безъ сомнѣнія, сопровождаться будетъ во многихъ случаяхъ подкупами, попойками и другими безобразіями.

«При такомъ положеніи неблагонамѣренныя лица могутъ еще съ большимъ удобствомъ воспользоваться подобнымъ распоряженіемъ и вызвать еще сильнѣйшіе беспорядки. Необходимо прибавить, что возвращеніе въ города евреевъ, проживающихъ въ селеніяхъ, можетъ поставить въ затрудненіе не только переселенцевъ, но и жителей городовъ... Въ заключеніе настоящая крутая мѣра несомнѣнно причинитъ еще большія затрудненія для правительства и усложнитъ въ политическомъ отношеніи положеніе государства, создавая массу недовольныхъ лицъ не только между евреями, но и между прочимъ населеніемъ, имѣвшимъ торговныя сношенія съ ними... и нисколько не содѣйствуя улучшенію взаимныхъ отношеній евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, а, напротивъ, еще болѣе усиливая вражду первыхъ, что, безъ сомнѣнія, никакъ нельзя признать цѣлью, къ которой должно стремиться правительство... Никто, конечно, не будетъ отрицать, что вопросъ о правильномъ устройствѣ евреевъ въ государствѣ требуетъ положительнаго разрѣшенія, но вопросъ этотъ по обширности затрагиваемыхъ имъ интересовъ не можетъ получить удовлетворительной развязки, если не будетъ выработана опредѣленная программа, которой должно въ будущемъ держаться правительство, и если мѣры, предлагаемыя нынѣ въ отношеніи евреевъ, не будутъ имѣть общей органической связи,—для чего необходимо пере-

¹⁾ Здѣсь Бунге цитируетъ новороссійскаго генералъ-губернатора Дондукова-Корсакова, указывавшаго на разстройство экономической жизни во всемъ краѣ, которое произойдетъ отъ выселенія евреевъ, а также харьковскаго генералъ-губернатора Святополкъ-Мирскаго, выступившаго противъ лишенія евреевъ права торговли питеями, такъ какъ толкая евреевъ, оставшихся безъ средствъ къ жизни, на путь обхода закона, эта мѣра приведетъ къ тому, что „прибавится еще новый видъ эксплуататоровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ цѣловальниковъ, заинтересованныхъ въ спаиваніи народа настолько же, насколько и еврей“.

смотря всего законодательства, нынѣ дѣйствующаго, о евреяхъ. Во всякомъ случаѣ такія мѣры, которыми бы измѣнились существующія нынѣ постановленія, не могутъ быть предприняты безъ разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ было бы осторожнѣе, не приступая нынѣ къ разсмотрѣнію предлагаемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ мѣръ, подвергнуть ихъ обсужденію въ государственномъ совѣтѣ».

Министръ юстиціи Д. Набоковъ, ознакомившійся съ запиской Бунге, всецѣло поддержалъ высказанный въ ней взглядъ на разрѣшеніе еврейскаго вопроса: «изданіе, хотя бы лишь въ видѣ временной мѣры, вышеприведенныхъ правилъ, являющихся существеннымъ измѣненіемъ дѣйствующихъ по соотвѣтствующимъ имъ предметамъ узаконеній, предпрѣшило бы и засимъ до крайности затруднило бы имѣющуюся въ виду дальнѣйшую разработку вопросовъ, касающихся устройства быта евреевъ».

Гр. Игнатьевъ явился въ засѣданіе комитета уже знакомый съ содержаніемъ вышеприведенныхъ трехъ записокъ, и ему, повидимому, было ясно, что записка Бунге разрушила его замыслы. Повторивъ тѣ доводы въ пользу «временныхъ правилъ», которые были указаны въ журналѣ комитета Готовцева и въ собственномъ представленіи комитету министровъ, гр. Игнатьевъ заявилъ, что такъ какъ экономическій гнетъ со стороны евреевъ менѣе чувствителенъ въ городахъ, то «въ особенности полезно сосредоточить евреевъ въ этихъ послѣднихъ, затруднивъ ихъ пребываніе въ селахъ»; мѣра эта не будетъ новою, и если всѣ прежнія попытки оказались въ этомъ отношеніи безрезультатными, то только потому, что благодаря вліянію евреевъ, а также недостаточности энергіи со стороны правительственныхъ властей, эта мѣра не приводилась въ исполненіе съ надлежащей настойчивостью. «Кромѣ того — привелъ гр. Игнатьевъ новый мотивъ—одно только сосредоточеніе евреевъ въ небольшомъ числѣ населенныхъ мѣстностей дастъ возможность отвратить безпорядки и оградить евреевъ отъ насилія, въ случаѣ надобности, вооруженной силой, тогда какъ полагаться на защиту войсками евреевъ, разбросанныхъ по селеніямъ и хуторамъ, не представляется возможнымъ».

Такимъ образомъ, мѣра выселенія евреевъ предпринималась въ интересахъ самихъ евреевъ! Можетъ быть эта сомнительная гуманность и произвела бы въ комитетѣ извѣстное впечатлѣніе, если бы гр. Игнатьевъ не заявилъ неосторожно вслѣдъ за тѣмъ, что «наибольшее число еврейскихъ безпорядковъ происходило въ городахъ и мѣстечкахъ».

Впрочемъ, гр. Игнатьевъ, подъ воздѣйствіемъ записокъ трехъ министровъ, быстро пошелъ на уступки,—онъ отказался отъ мѣры выселенія евреевъ изъ селъ и деревень, заявивъ, что считаетъ необходимымъ особен-

но настаивать лишь на томъ, чтобы евреямъ было, по крайней мѣрѣ, воспрещено *впредь* тамъ водворяться. Этимъ отступленіемъ отъ первоначальнаго плана гр. Игнатьевъ въ значительной степени смягчилъ «временныя правила», такъ какъ ужасъ ихъ и заключался, главнымъ образомъ, въ насильственномъ удаленіи еврейской массы изъ уѣздовъ; кромѣ того, теперь устранялась необходимость запретить ремесленникамъ пребываніе въ деревняхъ внѣ черты осѣлости. Оставалась еще одна тяжелая по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ мѣра, лишавшая средствъ къ жизни 150.000 людей (по вычисленію харьковскаго генераль-губернатора)—запрещеніе съ 1 іюля текущаго года питейной торговли, но отъ этого требованія гр. Игнатьевъ не отказался (въблизи шинковъ возникали безпорядки). Въ заключеніе онъ заявилъ, что, по сообщеніямъ генераль-губернаторовъ, отсрочка въ принятіи мѣръ противъ евреевъ угрожаетъ тяжелыми опасными послѣдствіями.

Изъ журнала комитета Готовцева и изъ объясненій гр. Игнатьева комитетъ министровъ понялъ, что и министръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищи очень много думали о томъ, что предпринять противъ возникновенія погромовъ, и все, что можно было сдѣлать въ этомъ направленіи, они готовы были сдѣлать, поскольку суровыя и энергичныя мѣры касались евреевъ; но никто ничего не сказалъ о томъ, что нужно предпринимать противъ погромщиковъ, противъ мѣстныхъ властей, о бездѣйствіи которыхъ имѣлись официальные данныя; пусть евреи будутъ выселены въ города и устранены отъ питейной торговли въ селахъ, но вѣдь именно въ городахъ и произошло наибольшее число погромовъ; слѣдовательно, даже при полномъ осуществленіи игнатьевскихъ мѣръ правительство должно было предпринимать еще какіе-нибудь шаги для защиты евреевъ отъ произвола черни. И большимъ урокомъ было, вѣроятно, для гр. Игнатьева и Готовцева то обстоятельство, что комитетъ министровъ началъ именно съ того, о чемъ они умолчали.

«Значительная задолженность коренного населенія евреямъ, заявилъ комитетъ министровъ, проявляющаяся почти во всѣхъ отрасляхъ народной жизни и труда, экономическая зависимость мѣстнаго населенія отъ евреевъ, происходящая главнымъ образомъ отъ весьма низкаго уровня образованія и малаго распространенія грамотности среди не только сельскаго, но и городского христіанскаго населенія, наконецъ, особыя качества еврейскаго племени, отличающагося, вообще, торговою предпримчивостью и изворотливостью, объясняютъ въ достаточной мѣрѣ вышеуказанное чувство раздраженія коренного населенія къ евреямъ». Если же еще вспомнить, что въ городахъ и селахъ всегда имѣется на лицо элементъ, готовый пойти на всякое насиліе, не только противъ однихъ ев-

реевъ, и что правительственные власти на мѣстахъ обнаруживаютъ отсутствіе во многихъ случаяхъ заблаговременной распорядительности, находчивости и умѣлости, то станетъ понятнымъ, почему даже единичный случай можетъ иногда вызвать безпорядокъ, требующій вмѣшательства военной силы; хотя это и служить естественнымъ объясненіемъ бывшихъ погромовъ, заявлялъ комитетъ, «но не подлежитъ, однако, ни малѣйшему сомнѣнію, что проявленіе подобныхъ бывшихъ безпорядковъ не можетъ и не должно быть терпимо правительствомъ... Правительство должно нынѣ же твердо заявить во всеобщее свѣдѣніе, что всякое насиліе надъ личностью евреевъ и ихъ имуществомъ, находящихся подъ охраною общихъ для всего населенія законовъ, составляетъ прямое посягательство на установленный закономъ порядокъ вещей, что правительство не остановится предъ мѣрами самой крайней строгости для подавленія безпорядковъ противъ евреевъ, подобныхъ бывшимъ, и что мѣстныя правительственные власти, на обязанности коихъ лежитъ не только подавлять уже возникшіе безпорядки, но и принятіемъ заблаговременныхъ мѣръ предупредить самые поводы къ подобнымъ безпорядкамъ, будутъ, въ случаѣ непринятія таковыхъ мѣръ, привлекаемы къ строжайшей за это отвѣтственности по закону, безъ всякихъ въ томъ ослабленій».

Что касается «временныхъ правилъ», то при обсужденіи ихъ комитетъ министровъ руководствовался запиской Бунге (многія фразы изъ нея перешли въ журналъ комитета); онъ лишь подчеркнул, что принятіе репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ евреямъ можетъ быть истолковано большинствомъ народа въ томъ смыслѣ, что правительство отступило предъ уличнымъ движеніемъ толпы, и что, охраняя интересы русскаго населенія, правительство не можетъ относиться безразлично къ судьбѣ евреевъ.

«Не находя такимъ образомъ возможнымъ, — гласилъ журналъ комитета министровъ, — принять предположенныя комитетомъ о евреяхъ мѣры, какъ имѣющія вполнѣ законодательное значеніе, комитетъ обратился къ обсужденію сдѣланнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ засѣданіи комитета министровъ, дополнительнаго заявленія».

Все различіе между проектомъ, представленнымъ гр. Игнатьевымъ, и сдѣланнымъ имъ въ комитетѣ министровъ устнымъ заявленіемъ заключалось въ томъ, что предполагавшаяся мѣра выселенія евреевъ изъ уѣздовъ была замѣнена запрещеніемъ евреямъ впредь водворяться тамъ. При такихъ условіяхъ, комитетъ министровъ могъ бы принять первоначальный проектъ, сдѣлавъ въ немъ соотвѣтствующее измѣненіе. Между тѣмъ, комитетъ министровъ всецѣло отвергъ правила, предложенныя комитетомъ Готовцева (принадлежавшія, въ сущности, самому гр. Игнатьеву, который къ тому же усугубилъ

ихъ суровость). Это не было простымъ техническимъ, такъ сказать, приѣмомъ; отдѣливъ проектъ, разработанный комитетомъ Готовцева, отъ заявленія, сдѣланнаго гр. Игнатьевымъ, комитетъ министровъ положилъ грань не столько между мѣрами, предлагавшимися въ обоихъ случаяхъ, сколько между соображеніями, которыми онѣ объяснялись. Проектъ комитета Готовцева обнималъ не только «временныя мѣры», но и ту будущую законодательную реформу, органической частью которой онѣ являлись. Заявленіе же гр. Игнатьева, сдѣланное имъ въ комитетѣ министровъ, касалось лишь тѣхъ, уже смягченныхъ временныхъ мѣръ, которыми имѣлось въ виду только предотвратить погромы (по крайней мѣрѣ онѣ такъ мотивировались). Такимъ образомъ, отвергнувъ проектъ Готовцева, комитетъ министровъ осудилъ не только предложенныя имъ «временныя правила», но и его общую точку зрѣнія на разрѣшеніе еврейскаго вопроса...

Комитетъ министровъ (быть можетъ, въ виду угрозы гр. Игнатьева, что погромы возобновятся, если не будутъ предприняты мѣры противъ евреевъ) согласился на запрещеніе евреямъ *впредь* поселяться въ деревняхъ, такъ какъ эта мѣра не нарушала правъ тѣхъ, кто тамъ уже жилъ, а затѣмъ ею предотвращался дальнѣйшій наплывъ евреевъ въ уѣзды, который, при тогдашнихъ условіяхъ, могъ бы вызвать возобновленіе безпорядковъ; кромѣ того, по мнѣнію комитета министровъ, этимъ путемъ облегчалась задача властей по охранѣ евреевъ въ городахъ. Онъ также принялъ предложеніе о томъ, чтобы евреямъ сейчасъ же было запрещено вновь вступать во владѣніе или пользованіе недвижимымъ имуществомъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, такъ какъ пока состоится пересмотръ законовъ о евреяхъ, многіе евреи, опасаясь возможнаго запрета, поспѣшили бы овладѣть новыми имѣніями. Комитетъ министровъ одобрилъ и запрещеніе евреямъ производить торговлю въ христіанскіе праздники, съ тѣмъ, однако, чтобы еврейская торговля прекращалась въ тѣ дни и въ теченіе того же срока, какъ христіанская, отнюдь не болѣе.

Что касается воспрещенія евреямъ производить питейную торговлю, то эта суровая мѣра, несмотря на то, что гр. Игнатьевъ настаивалъ на ней, была отвергнута комитетомъ министровъ.

Такимъ образомъ, изъ широкаго проекта гр. Игнатьева осталось, сравнительно, немного; въ видѣ временныхъ мѣръ, впредь до общаго пересмотра законовъ о евреяхъ, было воспрещено: 1) селиться внѣ городовъ и приобрѣтать тамъ имущество, 2) торговать въ праздничные дни.

Съ «временными правилами» было покончено. Но предстоялъ еще общій пересмотръ законовъ о евреяхъ. Эта задача лежала на комитетѣ Готовцева. Надо было парализовать его дѣятельность. И вотъ, ссылаясь на то, что комитетъ Готовцева долженъ представить свои заключенія

подлежащимъ министрамъ, что потребуетъ много времени, комитетъ министровъ постановилъ учредить новый комитетъ для пересмотра законодательства о евреяхъ, особую высшую комиссію, подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Государемъ, которой комитетъ Готовцева передалъ бы, по окончаніи занятій, свои труды.

Въ заключеніе комитетъ министровъ счелъ своей обязанностью заявить Государю, что является «существенно необходимымъ, путемъ правительственнаго сообщенія, дать знать подлежащимъ губернскимъ начальствамъ, что на ихъ отвѣтственность возлагается своевременное принятіе предупредительныхъ мѣръ».

Все эти предположенія комитета министровъ, въ томъ числѣ и «временныя правила», были 3 мая 1882 г. Высочайше утверждены.

Законъ 1882 г. причинилъ еврейскому населенію, какъ свидѣтельствовали въ послѣдствіи официальные лица, громадныя матеріальныя убытки и тяжелыя нравственныя страданія, въ особенности потому, что административная практика придала ему исключительный суровый характеръ: но при всемъ томъ, надо признать, что затѣя графа Игнатьева завершилась для евреевъ сравнительно благополучно. И это благодаря тому, что графъ Игнатьевъ опередилъ, можно сказать, своихъ современниковъ лишь на нѣсколько лѣтъ; если бы онъ выступилъ со своимъ проектомъ 5—6 лѣтъ спустя, его ждала бы побѣда; въ наступившей общей реакціи его проектъ встрѣтилъ бы большее сочувствіе, нежели въ 1882 г.

Вскорѣ послѣ изданія «временныхъ правилъ» гр. Игнатьевъ покинулъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ; Готовцевъ, ни разу не создавшій своего комитета послѣ отклоненія выработанныхъ имъ мѣръ, тогда же вышелъ въ отставку. Учрежденная въ 1883 г., подъ предсѣдательствомъ графа Палена высшая комиссія оставила безъ вниманія труды Готовцева; она не приняла его завѣщанія и пошла по тому пути, по которому шло правительство Александра II, т. е. по пути постепеннаго освобожденія евреевъ отъ ограничительныхъ законовъ (она, между прочимъ, высказалась за отмѣну запрещенія евреямъ селиться въ деревняхъ)¹⁾. И поэтому то, когда высшая комиссія закончила въ 1888 г. свою работу, ея заключеніемъ не было дано хода... А между тѣмъ постепенно, безъ общаго пересмотра законодательства о евреяхъ, путемъ частныхъ мѣръ, многое было осуществлено изъ того, что проектировалъ Готовцевъ.

Юлій Гессенъ.

Новый германскій законъ о союзахъ и собраніяхъ.

(Окончаніе)¹⁾.

XI.

Въ ту же цѣль бьетъ еще третье постановленіе закона, § 10-а коммисіоннаго проекта, теперешній § 17, который лишаетъ несовершеннолѣтнихъ обою пола, недостигшихъ 18-ти-лѣтняго возраста, права участія въ политическихъ союзахъ и собраніяхъ. Содержавшееся въ старомъ прусскомъ законѣ и въ законахъ большинства союзныхъ государствъ постановленіе запрещало участіе въ политическихъ союзахъ и собраніяхъ лишь школьникамъ и ремесленникамъ-ученикамъ, не опредѣляя въ то же время никакого возрастнаго предѣла. Внося первоначальный проектъ въ рейхстагъ, правительство отказалось отъ какихъ бы то ни было ограниченій для юношества, такъ какъ «политическіе союзы и собранія являются отнюдь не единственнымъ средствомъ для политическаго воспитанія молодежи, и потому ограниченія въ этой области могутъ устранить лишь небольшую долю тѣхъ опасностей, которыя связаны съ участіемъ юношества въ такихъ союзахъ и собраніяхъ»²⁾. Кроме того эта мѣра—по словамъ объяснительной записки—трудно проводима, и послѣдовательное ея примѣненіе было бы равносильно постоянному назойливому вмѣшательству полиціи въ дѣятельность союзовъ и собраній, чего правительство хотѣло бы избѣжать.

И вдругъ, подъ вліяніемъ компромисса, заключеннаго между блокомъ свободомыслящей и консервативной партій—съ одной, и правительствомъ—съ другой стороны, это ограничительное постановленіе вынырнуло вновь на поверхность законопроекта и двинулось въ него въ видѣ добавочнаго параграфа.

Это постановленіе, несомнѣнно, также не служитъ къ чести закона, такъ какъ отнимаетъ у него еще частицу того демократизма, котораго справедливо можно было бы ожидать отъ закона о союзахъ и собраніяхъ, издаваемого въ XX вѣкѣ въ западно-европейскомъ государствѣ.

Необычайный ростъ городского населенія, стремительная замѣна ручного труда трудомъ машиннымъ, не требующимъ ничего, кромѣ навыка, въ связи съ вздорожаніемъ жизни и паденіемъ покупательной силы денегъ заставляють современную рабочую молодежь вступать въ жизнь и искать самостоятельнаго заработка уже начиная съ 14-ти лѣтняго возраста.

Къ этому въ Германіи присоединяется вліяніе всеобщаго обязательнаго обученія, которое—какъ замѣтилъ одинъ депутатъ центра—дѣлаетъ молодыхъ людей уже довольно рано способными изучать политическіе вопросы и составлять себѣ твердые взгляды для позднѣйшей политической дѣятельности.

Естественно, что отчасти въ интересахъ успѣшности промышленной борьбы взрослыхъ рабочихъ, а главное—ради политическаго воспитанія юношества

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ спустя правительство приступило къ постепенному смягченію «временныхъ правилъ».

¹⁾ См. „Право“, № 30.

²⁾ Объяснит. зап., I. с., стр. 23.

политическія партіи Запада втягиваютъ молодежь въ политическія и профессиональныя организаціи. На перерѣзъ этой именно дѣятельности направляется законъ, запрещающій участіе молодежи въ политическихъ обществахъ и собраніяхъ. Смыслъ этой мѣры прекрасно иллюстрируется петиціей, отправленной въ мартѣ текущаго года въ рейхстагъ засѣдавшимъ въ Ганноверѣ узко-профессиональнымъ съѣздомъ владельцевъ ремесленныхъ мастерскихъ. Въ этой петиціи ея авторы горячо высказываются противъ предоставленія молодымъ людямъ «безграничной свободы союзовъ и собраній, ибо это повлекло бы за собой «серьезный вредъ для профессиональнаго и нравственнаго воспитанія ремесленной молодежи», повело бы къ уничтоженію всякихъ авторитетовъ и составило бы основательную угрозу для всего будущаго развитія ремесла. Такъ говорятъ хозяева ремесленныхъ мастерскихъ, частенько появляющіеся на скамьѣ подсудимыхъ по обвиненію въ безцеремонной эксплантаціи своихъ учениковъ.

Но отъ вводимаго закономъ запрета должно несомнѣнно пострадать и физическое воспитаніе юношества. Въ цитированной нами не разъ брошюрѣ мы находимъ рядъ краснорѣчивыхъ фактовъ изъ совсѣмъ недавняго прошлаго, когда пѣвческія, гимнастическія, велосипедныя и т. п. общества рабочихъ систематически были причисляемы къ политическимъ организаціямъ. Теперь, слѣдовательно, молодежи до 18 лѣтъ доступъ въ эти общества будетъ совершенно прегражденъ. Правда, представитель правительства не разъ давалъ въ комиссіи обѣщаніе, что новый законъ будетъ примѣняться правительственными властями л о й я л ь н о; однако, на это ему вполнѣ резонно возражали, что у имперскаго канцлера и его статсъ-секретарей не имѣется ни малѣйшихъ средствъ воздѣйствія на правительства отдѣльныхъ государствъ, если даже предположить, что они такое давленіе пожелали бы оказать, что само по себѣ мало вѣроятно.

Такимъ образомъ, порядки едва ли улучшатся по сравненію съ прошлымъ: суды и администрація остаются вѣдь безъ измѣненій.

Изъ всего изложеннаго ясно, что законъ 19 апр. отнюдь не можетъ быть названъ закономъ демократическимъ. Онъ не можетъ быть также охарактеризованъ какъ законъ либеральный, ибо съ перваго параграфа до послѣдняго онъ проникнутъ духомъ подозрительности и недовѣрія къ гражданамъ. Такъ, онъ не счелъ возможнымъ совершенно отбросить систему разрѣшительную и—хотя сохранилъ ее лишь для собраній подъ открытымъ небомъ и уличныхъ процессій—все же онъ остался въ этомъ отношеніи позади нѣкоторыхъ старыхъ законовъ, (напр., въ великомъ герцогствѣ саксонскомъ, баденскомъ и др.).

Далѣе сохранена необходимость предварительнаго заявленія о всѣхъ публичныхъ политическихъ собраніяхъ.

Хотя такимъ образомъ, цѣлый рядъ собраній освободился отъ этой ненужной и стѣснительной формальности, однако ихъ кругъ можетъ быть сильно суженъ при помощи растяжимой полицейской терминологіи. Къ тому же надо замѣтить, что полиція

имѣетъ попрежнему право посылать своихъ представителей во всѣ публичныя собранія, какъ политическія, такъ и неополитическія, и осуществлять въ нихъ право надзора до распущенія собраній включительно.

XII.

Не на должной высотѣ стоятъ и условія созданія политическаго фрейна: если раньше почти повсемѣстно требовалось представленіе въ полицію устава и списка членовъ общества, то теперь законъ удовлетворяется представленіемъ—кромѣ устава—лишь списка членовъ правленія. На первый взглядъ это представляется облегченіемъ; на самомъ же дѣлѣ пренія въ рейхстагъ показали, что полиція при прежнемъ порядкѣ вещей фактически была лишена возможности провѣрять представляемые ей ежемѣсячно груды бумаги съ тысячами фамилій вступившихъ въ тѣ или иные союзы членовъ и выступившихъ изъ нихъ.

Члены правленія—это нѣчто иное: ихъ, прежде всего, очень ограниченное число и, затѣмъ, это—наиболѣе дѣятельныя и видныя личности, знаніе которыхъ полиція можетъ при случаѣ утилизировать съ пользой, оказывая, когда дѣло идетъ о рабочихъ организаціяхъ—услуги предпринимателямъ, и донося—когда она имѣетъ дѣло съ чиновниками, учителями, наемными служащими въ общественныхъ учрежденіяхъ—ихъ начальству. Что это опасеніе не чисто теоретическое, видно изъ заявленія, сдѣланнаго статсъ-секретаремъ Бетманъ-Гольвегомъ въ засѣданіи рейхстага 9 декабря 1907 года¹⁾. Онъ заявилъ, что, какъ раньше, такъ и впредь... за школой всѣхъ степеней въ силу школьной дисциплины, за государствомъ—въ силу чиновничьей дисциплины, а въ частныхъ его отношеніяхъ—въ силу его договорнаго права сохраняется право удерживать... чиновниковъ и нанятыхъ по договору лицъ отъ участія въ опредѣленныхъ обществахъ и собраніяхъ“.

Что означаетъ такое заявленіе въ государствѣ, на службѣ котораго состоятъ миллионы лицъ, и которое не стѣсняется оказывать на нихъ самое рѣшительное давленіе въ политическихъ вопросахъ—это ясно безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Значеніе этой мѣры для рабочихъ организацій видно изъ того, что—какъ приводилось во время преній въ рейхстагѣ—правительственные органы неоднократно сообщали предпринимателямъ фамиліи лицъ, заявившихъ себя энергичными поборниками рабочихъ интересовъ, предъявляли имъ полные списки членовъ рабочихъ союзовъ и т. п.

XIII.

Наконецъ, особенно стѣснительными и тяжелыми являются постановленія закона, касающіяся распущенія собраній и каръ за нарушеніе закона.

Мы остановимся здѣсь лишь на томъ основаніи для закрытія собраній, которое помѣщено въ пунктѣ 5, параграфа 14, а именно на случаѣ „обсужденія въ собраніи предложеній, заключающихъ призывъ или

¹⁾ Парлам. отч., I. с., стр. 2094.

возбужденіе къ преступленію или проступку, преслѣдуемому не въ порядкѣ частнаго обвиненія“.

Такимъ образомъ, надзирающему члену полиціи предоставлено проводить границу между поступками, преслѣдуемыми въ порядкѣ частнаго и въ порядкѣ публичнаго обвиненія. Для того, чтобы достигнуть болѣе или менѣе правильнаго сужденія по такому вопросу нужно было бы—по мнѣнію одного свободомыслящаго депутата—посылать въ собранія въ цѣляхъ надзора—не полицейскихъ чиновъ, а прокуроровъ или адвокатовъ.

Кромѣ того, эта статья обладаетъ значительной растяжимостью, ибо термины «обсужденіе», «призывъ или возбужденіе къ преступленію» поддаются распространительному, либо ограничительному толкованію, въ зависимости отъ настроенія надзирающаго лица и полученныхъ имъ свѣдѣній.

Внося, такимъ образомъ, крайнюю неопредѣленность въ одинъ изъ вопросовъ, составляющихъ жизненный нервъ свободы собраній, законъ, напротивъ, оказывается крайне точнымъ и опредѣленнымъ въ статьяхъ, гдѣ назначается кара за нарушенія этой крайне проблематичной свободы. Но кары установлены, конечно, не для чиновъ полиціи, чрезмѣрно стѣсняющихъ права гражданъ; въ рейхстагѣ, правда, дѣлались предложенія и въ этомъ направленіи, причемъ въ подкрѣпленіе ихъ ораторы указывали на многочисленныя злоупотребленія полиціи, сокращавшей «полицейскій часъ» (время закрытія заведеній) для тѣхъ ресторановъ и пивныхъ, которые сдавались подъ негодныя полиціи собранія,—отказывавшей владѣльцамъ такихъ заведеній въ возобновленіи концессіи на торговлю спиртными напитками и т. п. Однако, предложеніе принято не было. Напротивъ, кары для устроителей и участниковъ собранія были санкціонированы (правда, съ нѣкоторымъ смягченіемъ) во всемъ ихъ объемѣ, причемъ особенное вниманіе было обращено на то, чтобы гарантировать соблюденіе запрета относительно рѣчей на иностранныхъ языкахъ, чтобы устранить изъ собраній несовершеннолѣтнихъ и вооруженныхъ и, наконецъ, чтобы обезпечить очистку открытыхъ мѣстъ, улицъ и площадей отъ неразрѣшенныхъ собраній и шествій.

XIV.

Представляетъ ли законъ 19 апрѣля прогрессъ или, напротивъ, ухудшеніе въ сравненіи съ господствовавшими ранѣе въ Германіи порядками?

На этотъ вопросъ невозможно дать однообразный отвѣтъ: законодательныя постановленія (и отчасти практика) отдѣльныхъ союзныхъ государствъ обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи столь значительную пестроту, что для сравнительной оцѣнки новаго закона необходимо сопоставить его съ каждымъ изъ старыхъ законовъ въ отдѣльности.

Несомнѣнный и очень рѣшительный прогрессъ знаменуетъ собой новый законъ—для Мекленбургъ-Шверина и Мекленбургъ-Штрелица, гдѣ все право союзовъ и собраній было построено на системѣ предварительнаго разрѣшенія и мельчайшей регламентаціи; точно также—для Рейсса младшей линіи, гдѣ тоже дѣйствовала концессіонная система, но только въ отношеніи союзовъ.

Рѣзкія улучшенія законъ внесъ затѣмъ въ права гражданъ цѣлаго ряда мелкихъ государствъ Германіи, отмѣнивъ архаическія постановленія, вродѣ того, что запрещены собранія, которыя «даютъ на основаніи фактовъ поводъ предполагать, что они предназначены для споспѣшествованія стремленіямъ, направленнымъ на ниспроверженіе существующаго государственнаго или общественнаго порядка» («Рейссъ, старшая линія»); что заявленіе о собраніи должно содержать, кромѣ указаній о мѣстѣ, времени и цѣли собранія, также и имена предполагаемыхъ ораторовъ (Саксенъ-Мейнингенъ); что запрещены «работы общества и братства, преслѣдующія политическія, социалистическія или коммунистическія цѣли» (Ольденбургъ) и т. п.

Что касается болѣе крупныхъ союзныхъ государствъ, то законъ принесъ значительныя улучшенія королевству саксонскому, особенно въ вопросѣ объ условіяхъ созыва собраній и учрежденія союзовъ, а также въ отношеніи предѣловъ полицейскаго вмѣшательства въ права гражданъ.

Нѣсколько иную роль онъ играетъ въ Баваріи: дѣйствовавшій здѣсь законъ 26 февраля 1850 г. приближается кое въ чемъ къ новому закону: оставляя въ сторонѣ § о языкѣ, не имѣющій для Баваріи особаго значенія, мы можемъ сказать, что новый законъ либо совпадаетъ съ баварскимъ, либо—за исключеніемъ постановленій о собраніяхъ подъ открытымъ небомъ—вноситъ въ него облегченія.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло для Пруссіи. Правда, имперскій законъ означаетъ для нея несомнѣнный шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что онъ отмѣняетъ ограниченія правъ женщинъ; освобождаетъ общества отъ представленія членскихъ списковъ; замѣняетъ въ извѣстныхъ случаяхъ заявленіе о собраніи объявленіемъ въ газетахъ или посредствомъ плакатовъ; сокращаетъ срокъ для полученія разрѣшенія на публичное собраніе подъ открытымъ небомъ съ 48 часовъ до 24-хъ; совсѣмъ освобождаетъ отъ заявленій собранія предвыборныя и извѣстныя рабочія собранія; наконецъ, нѣсколько сужаетъ полномочія полиціи въ дѣлѣ закрытія союзовъ. Но во время преній въ рейхстагѣ выяснилось, что часть и этихъ нововведеній была лишь законодательной санкціей установившихся уже давно на практикѣ порядковъ. Такъ, ограниченіе правъ женщинъ относительно посѣщенія политическихъ собраній давно уже было упразднено распоряженіемъ министра вн. дѣлъ фонъ-Гаммерштейна, которое разрѣшило женщинамъ присутствовать на этихъ собраніяхъ, но подъ условіемъ, чтобы мѣсто ихъ нахожденія было отгорожено отъ мѣста собранія (для этого устраивали иногда досчатая перегородки, а иногда довольствовались даже протягиваніемъ простой веревки). Точно также отмѣна обязанности союзовъ представлять списки членовъ явилась въ значительной степени освобожденіемъ полиціи отъ лишней обузы, такъ какъ кипы бумаги, доставлявшіяся ежемѣсячно въ полицію съ написанными на ней сотнями фамилій, никѣмъ не просматривались и валялись здѣсь безъ всякаго употребленія. Что касается остальныхъ мѣръ, то ихъ значеніе нельзя также преувеличивать. Напримѣръ, очень важное право, вмѣсто подачи заявленія о пред-

стоящемъ публичномъ собраніи ограничиваться объявленіемъ о немъ въ газетахъ и плакатахъ,—сильно обезцѣнено тѣмъ постановленіемъ закона, что предѣлы этихъ льготъ опредѣляются мѣстными властями. И уже сейчасъ раздаются нареканія на администрацію, которая далеко не вездѣ оказывается безпристрастной и безпартійной въ выборѣ газетъ, публикація въ которыхъ замѣняетъ заявленія.

То же можетъ быть сказано и объ остальныхъ нововведеніяхъ, и, кажется, лишь одно изъ нихъ — право устраивать предвыборныя собранія безъ какихъ либо заявленій — можетъ быть использовано прусскими гражданами въ полномъ объемѣ.

Наряду съ этими сравнительно небольшими улучшениями мы находимъ въ законѣ рядъ дѣйствительныхъ ухудшеній, а именно: ограниченіе въ пользованіи на собраніяхъ иностранными языками; запретъ всѣмъ несовершеннолѣтнимъ до 18 лѣтъ (а не только школьникамъ и ученикамъ, какъ это было раньше въ Пруссіи) участвовать въ политическихъ собраніяхъ и союзахъ; обязанность политическихъ фереин¹⁾ представлять списки членовъ своихъ правленій и т. п.

Такъ какъ ограниченія, вводимыя вновь закономъ, преимущественно направлены на опредѣленные слои населенія, обреченные на исключительныя мѣры, и въ то же время законъ мало затрагиваетъ права средних нѣмецкихъ бюргеровъ, а гдѣ затрагиваетъ ихъ,—тамъ устраняетъ нѣкоторыя излишнія стѣсненія стараго закона, то для этихъ средних слоевъ новый законъ можетъ быть признанъ безспорнымъ прогрессомъ¹⁾. Для прусскаго рабочаго класса и крестьянства, для поляковъ и для иностранцевъ законъ, напротивъ, является символомъ реакціи и политическаго гнета.

Но самый чувствительный регрессъ новый законъ составляетъ для южно-германскихъ государствъ — Вюртемберга, Гессена, Бадена, — для Вальдекъ-Пирмонта и Саксенъ-Кобургъ-Готы.

Въ великомъ герцогствѣ гессенскомъ вообще не существовало постановленій о союзахъ, и потому они лишь постольку были подчинены надзору правительственныхъ учреждений, поскольку это вызывалось необходимостью оградить государственные интересы. Что же касается права собраній, то оно совершенно не было связано никакими условіями, и лишь полиціи было предоставлено право запрещать народныя собранія подъ угрозой незначительныхъ денежныхъ штрафовъ для участниковъ такого запрещеннаго собранія. Однако, этимъ своимъ правомъ полиція не злоупотребляла, что дало гессенскому уполномоченному въ германскомъ союзномъ совѣтѣ право сдѣлать въ рейхстагѣ заявленіе, что для Гессена потребности въ измѣненіи закона о союзахъ и собраніяхъ не существуетъ (парл. отчетъ, стр. 4573).

¹⁾ Этимъ, м. б., объясняется то, что извѣстный ученый Лабандъ, человѣкъ консервативныхъ взглядовъ, разбирая законопроектъ о собраніяхъ и союзахъ въ первоначальномъ его видѣ, приходитъ къ выводу, что онъ „гораздо либеральнѣе, чѣмъ какой либо изъ дѣйствующихъ въ Германіи законовъ, онъ свободнѣе также законовъ, дѣйствующихъ въ большинствѣ иностранныхъ государствъ“ (Deutsche Juristenzeitung, 1908, № 1).

Въ Вюртембергѣ политическія общества, имѣвшія особые уставы, обязаны были представлять ихъ полиціи; по отношенію къ остальнымъ обществамъ полиція имѣла право затребовать ихъ уставъ, если ихъ дѣятельность вызывала въ ней «основательныя опасенія». Для публичныхъ собраній законъ требовалъ заявленія полиціи, но фактически это правило давно не исполнялось, и собранія созывались совершенно свободно. Полиція имѣла право доступа въ собраніе, гдѣ сохраняла общія полицейскія полномочія; особыхъ законодательныхъ постановленій о предѣлахъ ея правъ въ отношеніи надзора за собраніями, ихъ закрытія и предварительнаго запрещенія — въ Вюртембергѣ не имѣлось. Не было также запрещеній ни для женщинъ, ни для несовершеннолѣтнихъ; единственное запрещеніе было установлено для вооруженныхъ, которые не имѣли права присутствовать въ публичныхъ собраніяхъ.

Новый законъ принесъ баденскимъ жителямъ — по ихъ собственному заявленію¹⁾ — цѣлый рядъ ограниченій, не создавъ никакихъ новыхъ льготъ. Правда, баденской полиціи было раньше предоставлено требовать отъ союзовъ цѣлый рядъ свѣдѣній, ей было дано право предварительнаго запрещенія собраній и т. п.; но всѣми этими полномочіями полиція пользовалась крайне рѣдко и умѣренно. Понятіе же «народныхъ собраній» (вмѣсто «публичныхъ» и «политическихъ»), отсутствіе обязанности этихъ собраній имѣть отвѣтственнаго «руководителя» (Leiter), свобода отъ необходимости подачи заявленій о собраніяхъ и для союзовъ — отъ представленія уставовъ, — все это дѣлало правовой бытъ баденскихъ гражданъ въ области собраній и союзовъ гораздо болѣе прогрессивнымъ, чѣмъ это допускается новымъ имперскимъ закономъ.

XV.

Въ заключеніе мы можемъ задать себѣ вопросъ: почему Германія — при назрѣвшей потребности въ созданіи либеральнаго обще-имперскаго закона о союзахъ и собраніяхъ — пришла къ изданію акта, который существенно измѣнилъ къ лучшему лишь правовое положеніе самыхъ отсталыхъ владѣній нѣмецкихъ князей?

Отвѣтъ на это мы находимъ въ общихъ условіяхъ политической жизни Германіи.

Въ каждой странѣ результатъ законодательной дѣятельности является равнодѣйствующей тѣхъ общественныхъ силъ, которыя сталкиваются на политической аренѣ. При этомъ направленіе движенія зависитъ не только отъ сравнительныхъ размѣровъ этихъ силъ, но также и отъ предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе политическихъ средствъ. Вся предыдущая исторія страны, все ея старое законодательство накапливаютъ къ извѣстному моменту запасы потенціальной энергіи, которые мы могли бы назвать политическимъ вѣсомъ данной общественной группы. Такимъ образомъ, эффективность каждой данной соціальной группы зависитъ не только отъ ея численности и вліянія на народныя массы, но

¹⁾ Парлам. отчетъ, I. с., стр. 4718.

также отъ приданнаго ей прежними законодательными нормами вѣса. Иногда ничтожная—и численно, и по нравственному вліянію—кучка сказывается политически столь тяжеловѣсной, что отклоняетъ въ свою сторону всѣ государственныя мѣропріятія. Сейчасъ такое значеніе въ Пруссіи принадлежитъ группѣ юнкеровъ крупныхъ аграріевъ. Объ ея увѣсистости разбиваются всѣ атаки болѣе многочисленныхъ, талантливыхъ и энергичныхъ слоевъ населенія, которые чтобы продолжить сравненіе—накопили, повидимому, еще недостаточно силъ, чтобы ихъ количество стало качествомъ, чтобы ихъ число могло побѣдить вѣсь реакціонныхъ группъ.

То, что характеризуетъ современную политическую жизнь Германіи, проявилось какъ частность въ законѣ 19 апрѣля т. г. о союзахъ и собраніяхъ. Запросы времени, требованія широкихъ народныхъ массъ, теоретическіе постулаты—все это шло далеко за предѣлы того законопроекта, который германское правительство представило рейхстагу. Но консерватизмъ обладаетъ въ Германіи еще настолько значительнымъ политическимъ вѣсомъ, весь строй Германіи настолько рѣшительно покровительствуетъ привилегированнымъ верхамъ общества, что о побѣдѣ прогрессивно-демократическихъ началъ не могло быть рѣчи.

В. Л.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Собраніе узаконеній и распоряженій правительства.

№ 92. 25 іюня 1908 г.

Ст. 633. О воспрещеніи выдачи постороннимъ—военнаго и другихъ вѣдомствъ—учрежденіямъ, управленіямъ, заведеніямъ и лицамъ, внѣ архивныхъ помѣщеній, дѣлъ, книгъ, и документовъ, хранящихся въ архивахъ: канцеляріи военнаго министерства, Главнаго Штаба и главныхъ управленій военнаго министерства.

Ст. 634. О второмъ дополненіи списка иностраннымъ машинамъ и частямъ и принадлежностямъ къ нимъ, кои, въ силу высочайше утвержденнаго 24-го апрѣля 1898 года положенія комитета министровъ, могутъ быть въ теченіе 10 лѣтъ, до 1-го января 1909 года, допускаемы къ безпошлинному ввозу по всѣмъ границамъ имперіи, для надобностей сибирской и уральской золотопромышленности.

Ст. 635. Объ утвержденіи устава петербургскаго низшаго сельско-хозяйственнаго училища съ педагогическимъ классомъ.

Ст. 636. Объ утвержденіи новыхъ правилъ прохода судовъ и плотовъ подъ желѣзнодорожными мостами.

№ 93. 27 іюня 1908 г.

Ст. 637. Объ учрежденіи въ гор. Александрополѣ второй должности нотариуса.

Ст. 638. Объ учрежденіи въ селеніи Комратъ, бендерскаго уѣзда, бессарабской губерніи, должности нотариуса.

Ст. 639. Объ учрежденіи въ гор. С.-Петербургѣ пяти новыхъ должностей нотариуса.

Ст. 640. Объ учрежденіи въ посадѣ Прошовице, мѣховскаго уѣзда, кѣлецкой губерніи, должности нотариуса.

Ст. 641. Объ учрежденіи въ гор. Самаркандѣ второй должности нотариуса.

Ст. 642. Объ учрежденіи въ мѣстечкѣ Жлобинѣ, рогачевскаго уѣзда, могилевской губерніи, должности нотариуса.

Ст. 643. Объ утвержденіи правилъ плаванія по водному пути Герцога Александра Виртембергскаго. № 94. 27 іюня 1908 г.

Ст. 644. О перерывѣ въ занятіяхъ государственной думы и о назначеніи срокомъ возобновленія ихъ 15-е октября 1908 года.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Дѣло о бѣлостокскомъ погромѣ.

Гродненскій окр. судъ съ участіемъ сословныхъ представителей.

(Отъ спеціального корреспондента).

(Продолженіе). 1).

Затѣмъ устанавливаются слѣдующія обстоятельства: когда свидѣтель производилъ, по его словамъ, опись разгромленнаго на Боярахъ, онъ во главѣ группы солдатъ и полиціи, былъ и на заводѣ Швейдоровскаго, проходилъ мимо штабеля дровъ (см. показанія д-ра Райгродскаго) и былъ въ синихъ форменныхъ брюкахъ. 2) Хотя, въ качествѣ общаго правила, при производствѣ свидѣтелемъ обысковъ у громилъ, имъ и составлялись протоколы этихъ обысковъ, но онъ «допускаетъ», что могли быть и случаи, когда по тѣмъ или инымъ причинамъ протоколы и не составлялись. 3) Свидѣтелемъ въ числѣ прочихъ громилъ была арестована по жалобѣ д-ра Цитрина, нѣкая Марія Копецъ, у которой по обыску найдено было много награбленнаго имущества. Въ числѣ подсудимыхъ по настоящему дѣлу свидѣтель ее не видитъ, и куда она дѣвалась не знаетъ. 4) Того обстоятельства, что на балконѣ, съ котораго при прохожденіи крестнаго хода раздались первые выстрѣлы, стояли люди въ форменной одеждѣ, свидѣтель не знаетъ.

На дальнѣйшіе вопросы прис. пов. Хоментовскаго, свидѣтель показываетъ, что въ городѣ между «порядочными» христіанами и «порядочными» евреями никакой вражды никогда не существовало. «Молодежь же и анархисты опротивѣли не только полиціи, но и самимъ евреямъ».

Хотя въ революціонныхъ организаціяхъ участвовали, конечно, и христіане, однако всѣ террористическіе акты были дѣломъ евреевъ. Свидѣтель объ этихъ актахъ самъ производилъ дознаніе и знаетъ, поэтому, это, такъ сказать, изъ первоисточника.

— Назовите, пожалуйста, хотя одинъ террористическій актъ, совершенный въ Бѣлостокѣ евреями? просятъ гр. истцы.

Свидѣтель мнется, путается и, наконецъ, заявляетъ, что онъ говорилъ «предположительно», фактовъ же у него нѣтъ.

Затѣмъ оглашается показаніе свидѣтеля объ инцидентѣ съ Фрейдексомъ, относительно котораго на судебн. мѣ слѣдствіи свидѣтель отговорился незнаеміемъ.

Тотчасъ же послѣ первыхъ выстрѣловъ въ крестный ходъ толпа рѣшила, что они произведены были изъ одного изъ сосѣднихъ оконъ гдѣ стояла фигура въ женскомъ платьѣ. Изъ этой квартиры вскорѣ вышелъ рыжій еврей Фрейдексъ и толпа, подозревая, что переодѣвшись въ женское платье, это именно онъ стрѣлялъ въ процессію, набросилась на Фрейдекса и до полусмерти избила. Полиція же арестовала потомъ Фрейдекса и посадила его въ одиночку при полицейскомъ управленіи. Слѣды этого имѣются, въ обв. актѣ, между тѣмъ внослѣдствіи

1) См. „Право“ № 30.

оказалось, что подозрѣнія толпы были ни на чемъ не основаны. У окна въ своей квартирѣ стоялъ вовсе не Фрейдексъ, а его сестра. Никто изъ нихъ въ крестный ходъ не стрѣлялъ и никакого оружія найдено ни при нихъ ни въ ихъ квартирѣ не было.

Послѣ допроса этого свидѣтеля оглашается показаніе не явившагося подполк. Войцеховскаго, который во время погрома, по приказанію генерала Богаевского, исполняетъ обязанности начальника Сѣвернаго района г. Бѣлостока. Какъ показываетъ полк. Войцеховскій, свое распоряженіе ген. Богаевскій мотивировалъ тѣмъ, что въ городѣ 1-го іюня, въ виду скопленія народа и въ виду тревожныхъ слуховъ могутъ произойти безпорядки. Свидѣтель въ своемъ показаніи подробно излагаетъ, гдѣ какія команды были расположены: полторы роты стояло въ полицейскомъ управленіи, отдѣленіе государственнаго банка, кромѣ обычнаго караула, занимала еще полурота, въ уѣздномъ казначействѣ было поставлено 6 чел., въ казенномъ винномъ складѣ—18 чел. и т. д. Находясь днемъ 1 іюня въ полицейскомъ управленіи, свидѣтель по его словамъ, около часу дня услышалъ два взрыва, послѣ которыхъ православная процессія сильно заволновалась. Когда свидѣтель прибѣжалъ къ крестному ходу, то увидѣлъ что многіе изъ участниковъ процессіи успѣли уже вооружиться колями которые они тутъ же повывергали отъ садовыхъ оградъ.

Когда свидѣтель вновь подѣхалъ къ подъѣзду полицейскаго управленія къ нему въ пролетку бросился съ мольбой о спасеніи какой-то раненый еврей. Но прежде чѣмъ свидѣтель успѣлъ что либо предпринять участники процессіи стащили еврея съ пролетки и добили его. Дальше свидѣтель отправился пѣшкомъ. Въ томъ домѣ, откуда раздались первые выстрѣлы въ крестный ходъ и который былъ затѣмъ обстрѣлянъ солдатами, оказалось нѣсколько убитыхъ евреевъ.

Узнавъ, что на другихъ улицахъ города идетъ погромъ, полк. Войцеховскій отправился туда, но во многихъ домахъ лавки и квартиры были уже разгромлены и мостовыя были засыпаны пухомъ, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свидѣтелю удалось остановить разгромъ. Когда свидѣтель прекращалъ погромъ въ мѣстахъ, соседнихъ съ соборомъ, какой то полякъ со словами: «Что ты нехристь что-ли, что заступаешься за евреевъ?» замахнулся на него полѣномъ. Кромѣ того изъ соседнихъ домовъ по полк. Войцеховскому открыли стрѣльбу, и ему пришлось обстрѣливать эти дома.

По словамъ свидѣтеля, особенно сильно и жестоко разразился погромъ на вокзалѣ и вокзальной площади. Когда свидѣтель прибылъ туда для подавленія безпорядковъ, то толпа громилъ встрѣтила его крайне враждебно.

Полк. Войцеховскому во время погрома пришлось посѣтить много различныхъ пунктовъ въ городѣ, и онъ передаетъ цѣлый рядъ крайне тяжелыхъ сценъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ.

Въ дни погрома изъ многихъ домовъ въ городѣ раздавалась стрѣльба въ войска и въ присутственные учрежденія, и эти дома приходилось воинскими командамъ обстрѣливать. Въ результатъ обстрѣла часто въ этихъ домахъ возникали пожары, причемъ въ такихъ случаяхъ неоднократно въ горящихъ помѣщеніяхъ раздавались взрывы спрятанныхъ тамъ патроновъ.

Погромъ въ городѣ, по словамъ свидѣтеля, происходилъ лишь одинъ день 1 іюня и продолжался всего минутъ 20 и во всякомъ случаѣ, не долѣе перваго получаса послѣ взрыва бомбы, которая, какъ думаетъ свидѣтель, была брошена въ крестный ходъ, но такъ какъ онъ возникъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, то прекратить его съ наличнымъ количествомъ войскъ, по мнѣнію свидѣтеля, было невозможно.

Свидѣтель признаетъ, что, быть можетъ, отдѣльные лица изъ нижнихъ чиновъ, не бывшіе въ нарядахъ, тайно отъ офицеровъ, и принимали участіе въ погромѣ вмѣстѣ съ громилами, но нижніе чины, находившіеся въ нарядахъ, никакого участія въ погромѣ, во всякомъ случаѣ, не принимали, а наоборотъ, старались прекратить волненіе и безпорядки!

До 1-го іюня въ городѣ, по словамъ свидѣтеля, не разъ ходили слухи объ ожидавшемся еврейскомъ погромѣ, но слухамъ этимъ, всегда, оказывавшимся ранѣе ложными, никто никакого значенія не придавалъ. Такъ за недѣлю до 1 іюня по городу распространились слухи, что революціонеры въ этотъ день нарочно хотятъ вызвать безпорядки и отвлечь войска, чтобы, затѣмъ, воспользовавшись этимъ, напасть съ цѣлью экспроприации на казенныя учрежденія. Эти слухи отчасти и вызвали назначеніе въ городѣ на 1 іюня усиленныхъ воинскихъ нарядовъ.

Затѣмъ оглашается показаніе неявившагося свидѣтеля б. гродненскаго губернатора г. Кистера. То обстоятельство, что часть еврейской молодежи въ г. Бѣлостокѣ была вооружена, является, по мнѣнію свидѣтеля, фактомъ общеизвѣстнымъ. Помимо этого, свидѣтелю бѣлостокскій полиціймейстеръ Деркачевъ неоднократно докладывалъ, что мѣстная еврейская молодежь вооружена и часто упражняется въ стрѣльбѣ на старомъ еврейскомъ кладбищѣ. При попыткахъ разогнать ихъ, упражнявшіеся иногда оказывали вооруженное сопротивленіе, причемъ въ одномъ или двухъ случаяхъ нанесены были пораненія нижнимъ чинамъ. Въ Бѣлостокѣ съ 14 марта 1906 г. постоянно повторялись террористическіе акты, направленные противъ военныхъ и полиціи, причемъ виновными всегда оказывались евреи. Такъ какъ остальное еврейское населеніе въ такихъ случаяхъ не хотѣло оказывать какого либо содѣйствія полиціи въ поимкѣ преступниковъ, то таковые почти всегда оставались необнаруженными. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что, несмотря на все это, въ городѣ отношенія къ евреямъ оставались наилучшими, однако, у свидѣтеля есть данныя предполагать противное и даже быть вполне убѣжденнымъ, что противъ евреевъ въ городѣ были крайне озлоблены. И убійство 28 мая полиціймейстера Деркачева не могло не усилить этого озлобленія.

Но, во всякомъ случаѣ, о томъ, что въ Бѣлостокѣ 1-го іюня ожидается погромъ, свидѣтель впервые узналъ и услышалъ только отъ посѣтившей его 30 мая депутаціи отъ бѣлостокскаго еврейскаго общества. Депутація просила свидѣтеля, чтобы онъ издалъ приказъ по бѣлостокской полиціи не препятствовать возложенію вѣнка на гробъ покойнаго Деркачева. На это свидѣтель Кистеръ отвѣтилъ депутатамъ, что онъ считаетъ себя не вправе насилловать чувства своихъ подчиненныхъ, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ возникновенія безпорядковъ, потомъ стали бы винить его же за допущеніе евреевъ участвовать въ похоронахъ Деркачева.

На это одинъ изъ членовъ депутаціи рѣзко заявилъ, что вопросъ вѣнка, въ концѣ концовъ, не такъ ужъ и важенъ, а гораздо важнѣе вопросъ о возможности возникновенія въ Бѣлостокѣ еврейскаго погрома, которымъ грозитъ полиція. Въ связи съ этимъ, депутація просила убрать изъ Бѣлостока пристава Шереметова, который ненавидитъ евреевъ.

На это губернаторъ отвѣтилъ, что Шереметовъ—единственный смѣлый и отважный приставъ въ г. Бѣлостокѣ, который не боится нести наружную полицейскую службу въ столь тревожное время. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтель все таки обѣщалъ распорядиться, чтобы Шереметовъ на время уѣхалъ изъ Бѣлостока.

Губернаторъ, кромѣ того, отвѣтилъ депутатамъ, что ихъ заявленіе о томъ, что евреямъ грозитъ погромомъ полиція, онъ считаетъ вздорнымъ, такъ какъ полиція на это неспособна и у него нѣтъ данныхъ повѣрить въ противное; но, все таки, чтобы

успокоить еврейское население, и принявъ во внимание, что 1-го июня въ Бѣлостокѣ будутъ двѣ религиозныя процессіи, во время которыхъ, дѣйствительно, возможно возникновеніе безпорядковъ, губернаторъ обѣщалъ депутаціи вызвать изъ лагерей въ городъ на этотъ день усиленную военную охрану. вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ воспользовался случаемъ, чтобы упрекнуть ихъ въ томъ, что они въ тревожное время обращаются къ властямъ за помощью, а въ спокойное время не желаютъ ее поддерживать,—а, вѣдь, между тѣмъ, отъ террористовъ и имъ самимъ часто приходится страдать.

Евреи выразили опасеніе, какъ бы войска, призванные стрѣлять въ погромщиковъ не начали бы стрѣлять въ нихъ, но свидѣтель завѣрилъ ихъ, что войска будутъ исключительно подавлять безпорядки.

Затѣмъ, на слѣдующій день свидѣтель поѣхалъ въ Вильно къ генераль-губернатору и командующему войсками округа просить его снаестись съ военными властями объ оказаніи содѣйствія, такъ какъ войска часто опаздываютъ. Генераль-губернаторъ отвѣтилъ свидѣтелю, что къ 1-му июня въ Бѣлостокѣ введено будетъ военное положеніе.

1-го июня, около 2-хъ часовъ дня, когда губернаторъ вернулся съ крестнаго хода въ Гроднѣ, помощникъ бѣлостокскаго полиціймейстера Федосовъ доложилъ ему по телефону, что сейчасъ только въ Бѣлостокѣ стрѣляли въ церковную процессію, что въ городѣ—адъ, городъ во власти военныхъ и на полицейское управленіе идутъ боевые дружины революціонеровъ. Послѣ этого губернаторъ немедленно выѣхалъ въ Бѣлостокъ. На вокзалѣ свидѣтеля встрѣтилъ полиціймейстеръ Радецкій, доложившій ему о положеніи вещей въ городѣ. Кромѣ того, Радецкій предупредилъ губернатора, что ген. Богаевскій проситъ его не вмѣшиваться въ дѣйствія войскъ „по успокоенію города“.

На вокзалѣ лошадей не нашлось. Когда обратились за коляской къ Богаевскому, послѣдній отвѣтилъ, что экипажъ нуженъ ему самому и, вообще, лишнихъ лошадей у него нѣтъ.

Тогда пом. исправника Мацевичъ уступилъ губернатору свою бричку, на которой онъ и поѣхалъ въ городъ. По дорогѣ губернаторъ встрѣтилъ отрядъ войскъ подъ командой полк. Чуженина, который сообщилъ ему, что идутъ они въ дачную мѣстность „Лѣсъ“, гдѣ засѣли революціонеры.

Генерала Богаевскаго свидѣтель засталъ въ полицейскомъ управленіи и спросилъ его, правда ли, что онъ приказалъ полиц. Радецкому передать ему, свидѣтелю, требованіе не вмѣшиваться въ дѣйствіе военныхъ властей по успокоенію города. И если это такъ, то по какому праву? Вѣдь, онъ, свидѣтель, еще не сдавалъ Богаевскому своей власти въ установленномъ закономъ порядкѣ.

Ген. Богаевскій «замаялся» и отвѣтилъ, что онъ принялъ на себя распоряженіе городомъ, какъ «бывшій временной генераль-губернаторъ» и теперь онъ, а не свидѣтель, является отвѣтственнымъ за дальнѣйшее.

Въ виду того, что въ распоряженіи ген. Богаевскаго были войска, а въ рукахъ свидѣтеля только «отрепки»—чины полиціи, онъ не нашелъ возможнымъ вступать съ Богаевскимъ въ дальнѣйшія пререканія и силой отстранить его отъ незаконно захваченной власти, хотя полиц. Радецкій и говорилъ, что войска ночью хотятъ уйти въ лагерь и оставить городъ безъ охраны.

Такъ какъ во все время пребыванія свидѣтеля въ Бѣлостокѣ, т. е. въ теченіе 6-ти часовъ, въ городѣ не было слышно ни одного выстрѣла, то онъ, свидѣтель, въ тотъ же день вновь выѣхалъ въ Вильно и доложилъ генераль-губернатору, что погромъ окончился, но при этомъ онъ все же высказалъ опасеніе, что въ виду озлобленія войскъ и возбужденнаго состоянія населенія въ каждый моментъ возможно возникновеніе новыхъ безпорядковъ. На это гене-

раль-губернаторъ возразилъ свидѣтелю, что онъ во всякомъ случаѣ за происходящее въ Бѣлостокѣ считаетъ отвѣтственнымъ его, губернатора, до тѣхъ поръ, пока черезъ нѣсколько дней въ Бѣлостокѣ не будетъ введено военное положеніе.

Вернувшись въ Гродно, свидѣтель вечеромъ получилъ телеграмму, извѣщавшую его о томъ, что въ Бѣлостокѣ возобновились безпорядки. Такъ какъ въ то время и въ Гроднѣ было очень тревожное настроеніе, то въ Бѣлостокѣ свидѣтель командировалъ вмѣсто себя непремѣннаго члена губернскаго присутствія г. Столярова. Ночью свидѣтель получилъ отъ Столярова телеграмму очень тревожнаго характера и тогда рѣшилъ снова самъ поѣхать въ Бѣлостокъ.

Въ 1 ч. дня 3 июня губернаторъ вновь выѣхалъ въ Бѣлостокъ, взявъ съ собою гродненскаго раввина и прис. пов. Яновскаго, чтобы имѣть помощниковъ при распредѣленіи помощи разгромленному и голодающему населенію и чтобы успокоить еврейское населеніе Гродны, такъ какъ эти лица по возможности могли бы сообщить мѣстнымъ евреямъ правдивыя свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ въ Бѣлостокѣ.

Въ Бѣлостокѣ свидѣтель пробылъ съ 3 час. дня 3 июня до 7 ч. утра 4 июня, когда въ г. Бѣлостокѣ было, наконецъ, объявлено военное положеніе, и онъ могъ надлежащимъ образомъ передать свою власть военному начальству.

Губернаторъ Кистеръ показываетъ, между прочимъ, что во время его пребыванія въ Бѣлостокѣ къ нему отъ представителей еврейскаго общества поступали многочисленныя жалобы на то, что чины полиціи и войска принимали активное участіе въ погромѣ. Это вынудило его въ присутствіи сов. губ. правленія Столярова требовать отъ генераловъ Бадера и Богаевскаго снятія съ улицъ цѣпи солдатъ, чтобы не давать населенію основаній для дальнѣйшихъ жалобъ.

Во время своего пребыванія въ Бѣлостокѣ, свидѣтель видѣлъ на улицахъ много еврейскихъ труповъ, которые не убирались до осмотра ихъ судебной властью.

Губернаторъ Кистеръ показываетъ, далѣе, что въ Бѣлостокѣ ему передавали про слѣдующій случай: корнетъ мѣстнаго драгунскаго полка Миллеръ, встрѣтивъ на улицѣ дочь частнаго повѣреннаго Рубановскаго (еврейку), только что окончившую институтъ, погнался за нею съ револьверомъ въ рукахъ и, ворвавшись въ квартиру ея отца, куда ушла вбѣжать, въ упоръ застрѣлилъ ее.

Дѣло это, почему то выдѣленное суд. слѣдователемъ, изъ общаго дѣла о погромѣ, все еще находится въ производствѣ, а корнетъ Миллеръ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, вынужденъ былъ уйти въ отставку и служить теперь... учителемъ реального училища.

Затѣмъ, оглашается показаніе сов. губ. правленія г. Столярова. Свидѣтель показываетъ, что еще до погрома, когда губернаторъ просилъ военныя власти въ Бѣлостокѣ о распредѣленіи войскъ по городу въ извѣстномъ порядкѣ, ему было въ этомъ отказано, а другихъ отправили даже на ученіе. Полученное губернаторомъ отъ бѣлостокской полиціи донесеніе о началѣ безпорядковъ глаголо, между прочимъ, что „банды евреевъ идутъ на банкъ и казначейство“.

Когда губернаторъ хотѣлъ ѣхать въ Бѣлостокъ, то начальникъ станціи сначала не хотѣлъ дать ему экстренный поѣздъ.

Про военныя власти въ Бѣлостокѣ свидѣтель говоритъ, что „они захватили главенство въ городѣ вооруженной рукой“.

Далѣе оглашается показаніе жандармскаго полковника Грибоѣдова, убитаго въ прошломъ году въ г. Гроднѣ.

Свидѣтель присутствовалъ при разговорѣ Шере-

метова съ еврейской депутаціей во главѣ съ д-ромъ Райгородскимъ въ полицейскомъ управленіи по воду возложенія евреями вѣнка на гробъ покойнаго полиціймейстера Деркачева. Приставъ Шереметовъ, обращаясь къ д-ру Райгородскому, сказалъ отчеканивая слова и ударяя себя въ грудь: „чиновники полиціи, околоточные надзиратели и городовые протестуютъ противъ принятія отъ еврейскаго общества вѣнка на гробъ убитаго полиціймейстера. Довольно крови“. Свидѣтель просилъ Шереметова успокоиться.

Затѣмъ, свидѣтель слышалъ слова Шереметова, обращенныя къ д-ру Райгородскому: „24-ый разъ повторяю вамъ: „мы протестуемъ“. Послѣ этихъ словъ д-ръ Райгородскій подошелъ къ полк. Грибоѣдову и въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ сказалъ, прощаясь: „иду въ городъ принять мѣры“. Свидѣтель спросилъ его: „какія мѣры и по какому случаю?“ Райгородскій отвѣтилъ, что Шереметовъ только что сказалъ ему: „если вы все-таки возложите вѣнокъ, то пожалѣйте объ этомъ черезъ два дня“. Этими словами, по мнѣнію Райгородскаго, Шереметовъ намерялся на погромъ. Свидѣтель сказалъ Райгородскому: „Объ одномъ прошу васъ не принимайте никакихъ мѣръ. Этими вы только встревожите населеніе. Погромъ невозможенъ въ Бѣлостокѣ“.

Райгородскій, со словами: „нѣтъ, это—не шутка, коли приставъ грозитъ погромомъ!“—ушелъ.

Никакихъ свѣдѣній о томъ, что погромъ готовился, въ городѣ не было. Вообще, слухи о погромѣ возникали среди евреевъ послѣ каждаго террористическаго акта въ городѣ. На этотъ разъ эти слухи были острѣе въ виду убійства полиціймейстера Деркачева, которое вполне опредѣленно приписывалось евреямъ. По крайней мѣрѣ, кучеръ, который везъ Деркачева, ручался, какъ очевидецъ, за то, что Деркачева убили евреи.

Евреи приурочивали погромъ ко дню 1-го іюля, когда въ городъ приходятъ много окрестныхъ жителей. Только послѣдніе и были страшны евреямъ. Городская христіанская молодежь, рабочіе—вмѣстѣ съ еврейскими революціонерами участвовали въ различныхъ мѣстныхъ противоправительственныхъ организаціяхъ и въ погромѣ не участвовали бы.

По мнѣнію свидѣтеля, полиція не желала принять вѣнокъ отъ евреевъ потому, что они были повинны въ террористическихъ актахъ. Во время убійствъ чиновъ полиціи, къ тому же, никто изъ евреевъ не дѣлалъ попытки задерживать убійцъ. „Немудрено, что послѣ этого чины полиціи были озлоблены противъ всего еврейства“.

Фразѣ д-ра Райгородскаго: „иду въ городъ принять мѣры“,—свидѣтель придаетъ большое значеніе. Принятіемъ еврейской самообороны мѣръ противъ ожидавшагося погрома свидѣтель объясняетъ стрѣльбу и бросаніе бомбъ въ крестный ходъ.

По мнѣнію свидѣтеля, еврейская самооборона думала такимъ способомъ прекратить въ самомъ зародышѣ погромъ, за начало котораго она приняла минутное замѣшательство въ процессіи.

Свѣдѣній о томъ, что на 1-ое іюля въ городѣ готовится вооруженное возстаніе, какъ указалъ въ своей ссылкѣ на него полк. Тяжелниковъ, свидѣтель ни отъ кого изъ чиновъ полиціи не получалъ.

О началѣ погрома свидѣтель показываетъ слѣдующимъ образомъ: 1-го іюля послѣ часу дня полк. Грибоѣдовъ изъ окна своей квартиры увидѣлъ, какъ нѣсколько христіанъ бѣжали по направленію отъ центра города. На вопросъ свидѣтеля, кто ихъ гонитъ, они отвѣчали, что евреи разбиваютъ крестный ходъ. Въ это время раздался оглушительный взрывъ. Свидѣтель тогда отправился въ городъ. На Александровской улицѣ народу не было. На мостовой и тротуарахъ лежало лишь нѣсколько еврейскихъ труповъ. По дорогѣ свидѣтель слышалъ отъ нѣсколькихъ христіанъ, что евреи стрѣляли въ крестный ходъ. По словамъ нѣкоторыхъ лицъ, въ 1 мѣ часу дня евреями были брошены двѣ бомбы,—одна—на Базарной улицѣ, и другая—на Полевой. Кромѣ того, со словъ

нѣкоторыхъ полиційскихъ, подполковн. Грибоѣдовъ знаетъ, что въ православный крестный ходъ была брошена еще бомба.

2 іюня въ 9-мъ часу вечера загорѣлся еврейскій домъ около квартиры свидѣтеля. Приѣхала пожарная команда, но брандмейстеръ не могъ приступить къ тушенію пожара, такъ какъ изъ горѣвшаго зданія стрѣляли. Въ 10-мъ часу вечера того же числа изъ садовъ, расположенныхъ вблизи дома, гдѣ находилась канцелярія жандармскаго управленія, былъ открытъ револьверный огонь, на который чины охраны вынуждены были отвѣчать ружейными выстрѣлами. Выстрѣлы изъ садовъ продолжались до разсвѣта, и въ то же время всю ночь шла перестрѣлка по всему городу—войска отвѣчали на револьверную стрѣльбу изъ домовъ.

Далѣе допрашивается подгородній крестьянинъ Михаилъ Стихорчукъ, участвовавшій въ католической процессіи. Свидѣтель констатируетъ, что въ началѣ обѣдни въ костелѣ, все было спокойно. Затѣмъ, передъ окончаніемъ службы онъ вышелъ на площадь, чтобы потомъ вмѣстѣ съ процессіей идти на кладбище св. Роха. Когда онъ стоялъ на площади до какого бы то ни смятенія или выстрѣловъ, онъ увидѣлъ, какъ одинъ изъ находившихся на площади извозчиковъ, съ поднятымъ верхомъ, вдругъ кинулся съ какими-то криками на стоявшую у площади толпу. Съ этого момента и началось смятеніе. Извозчикъ этотъ вѣхалъ затѣмъ во дворъ Нѣмецкой гостиницы, свидѣтель пошелъ за нимъ и видѣлъ, что извозчикъ этотъ христіанинъ. Сѣдока на немъ не было. Когда извозчика спрашивали, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, извозчикъ объяснилъ, что его лошадь испугалась выстрѣла. Однако, никакого выстрѣла свидѣтель не слышалъ. Когда православная процессія вышла уже изъ собора въ городъ, раздавались отдѣльные выстрѣлы, но, кто стрѣлялъ, свидѣтель не знаетъ.

Когда, католическая процессія вышла на площадь изъ костела и отправилась на кладбище св. Роха, никто въ нее не стрѣлялъ, хотя въ толпѣ и говорилось объ ожидавшемся нападеніи евреевъ. Отдѣльные группы евреевъ встрѣчались свидѣтелю, но ни одного выстрѣла изъ нихъ произведено въ процессію не было.

Только на обратномъ пути, изъ какого то дома, на углу Тыкоцкой и Купеческой ул. кто-то выстрѣлилъ въ процессію изъ револьвера. Выстрѣлъ этотъ никакого вреда никому не причинилъ. Когда процессія вошла въ костелъ, свидѣтель видѣлъ, что изъ оконъ дома Лифшица на базарной площади произведены были кѣмъ то въ стоявшіе на улицѣ войска 3 револьверныхъ выстрѣла, на что солдаты отвѣтили обстрѣломъ дома.

Подгородній крестьянинъ Андрей Карчевскій, участвовавшій въ крестномъ ходѣ въ качествѣ братчика, показываетъ, что взрыва на Александровской ул. въ обычномъ смыслѣ этого слова, не было, а такъ раздался какой то глухой шумъ, не позволявшій опредѣлить, что это и гдѣ взорвалось. Выстрѣловъ свидѣтель не слышалъ. Потомъ уже когда свидѣтель подъ охраной солдатъ возвращался домой, изъ какого тома стрѣляли изъ револьверовъ, на которые выстрѣлы солдаты отвѣчали изъ ружей.

Свид. Бѣгунъ также особеннаго взрыва не слышалъ. Выстрѣлы видѣлъ лишь на обратномъ пути въ соборъ, когда на улицахъ были уже вездѣ солдаты охраны. Самаго погрома свидѣтель не видалъ, такъ какъ послѣ процессіи ушелъ.

Затѣмъ допрашивается православный священникъ о. Белевичъ. О. Белевичъ показываетъ, что тревога въ городѣ царствовала еще до погрома. 1-го іюня, когда крестный ходъ шелъ по Александровской ул., никакого взрыва не было. На углу Институтской ул. послышалось какое то шипѣніе и затѣмъ раздался револьверный выстрѣлъ. Все это вызвало въ крестномъ ходѣ сильное замѣшательство. Черезъ нѣкоторое время пришли солдаты и начали обстрѣлъ соседнихъ домовъ. Вскорѣ стали проносить раненыхъ,

и между ними какую то женщину, раненую, какъ говорили, въ бокъ. Солдатъ было сравнительно немного, они заняты были обстрѣломъ домовъ и отвести остатокъ крестнаго хода въ соборъ обратно—не могли. Долго просили дополнительнаго эскорта, но просьбы оставались безъ вниманія. Тогда свидѣтель снялъ ризу и самъ отправился въ полицейское управленіе, гдѣ ему едва удалось уговорить, наконецъ, офицера дать богомольцамъ конвой, и то лишь послѣ того, какъ прибыла кавалерія.

Отведя остатки крестнаго хода въ соборъ и отслуживъ тамъ молебенъ, свидѣтель отправился къ себѣ домой, чтобы немного отдохнуть, но вскорѣ къ нему прибѣжалъ священникъ пастырской церкви о. Поповъ, сообщилъ, что на улицахъ погромъ и предложилъ идти успокаивать народъ.

Священники пошли, но вскорѣ имъ пришлось вернуться обратно. Было уже поздно, такъ какъ лавки были уже разгромлены и на улицахъ народъ лишь «терзалъ» остатки еврейскаго имущества и товаровъ.

Утромъ, на слѣдующій день, т. е. 2-го іюня свидѣтель, выйдя на погостъ встрѣтилъ товарища прокурора Граевского съ женою, въ сопровожденіи цѣлой толпы евреевъ. Граескій рассказалъ свидѣтелю, что какіе-то хулиганы, то забравшись на чердакъ того дома, гдѣ онъ жилъ, начали ночью стрѣлять на улицу. Это вызвало обстрѣлъ ихъ дома со стороны солдатъ, и они всю ночь должны были просидѣть въ ватерклозетѣ, куда не долетали пули. Уже подъ утро Граевскому удалось заключить съ солдатами перемиріе и вывести изъ дома осажденныхъ.

Проходя, какъ то въ погромные дни, по Шосейной улицѣ, свидѣтель слышалъ на ней запахъ спирта изъ разбитыхъ винныхъ лавокъ, видѣлъ на улицахъ убитыхъ евреевъ, черныя бороды которыхъ развивались отъ вѣтра, какъ флаги. Видѣлъ свидѣтель, какъ раненныхъ и убитыхъ везли цѣлыми подводами.

На вопросы прокурора свидѣтель показываетъ, что стрѣляли не евреи, какъ таковые, а «революціонеры-хулиганы». Убивали они не только христіанъ, но и тѣхъ же евреевъ. Национальности «хулигановъ-революціонеровъ» свидѣтель установить не можетъ, такъ какъ никого изъ нихъ онъ самолично не поймалъ, но онъ во всякомъ случаѣ, можетъ отмѣтить, что это не «чернорубашечники» и среди нихъ встрѣчались и не «еврейчики».

Вообще, бѣлостокскіе евреи, «имѣющіе постоянный заработокъ»—«народъ почтенный и болѣе консервативный, чѣмъ другіе національности».

На вопросъ прис. пов. Скарятинъ, кого, собственно говоря свидѣтель подразумѣваетъ, говоря о «революціонерахъ-хулиганахъ», свидѣтель объясняетъ что это—особая бѣлостокская разновидность революціонеровъ. Чистыхъ революціонеровъ въ Бѣлостокѣ нѣтъ, а есть лишь революціонирующие хулиганы, которые «ходятъ съ краснымъ флагомъ, а потомъ въ него сморкаются».

Славянскія племена въ краѣ уже нѣсколько столѣтій живутъ съ евреями мирно и если противъ кого и враждуютъ, такъ именно противъ этихъ хулигановъ, которые не щадятъ и евреевъ, такъ они убили Иссера только за то, по словамъ О. Белевича, что онъ не заплатилъ рабочимъ за забастовочное время и отказался повысить заработную плату.

Эти хулиганы,—показываетъ свидѣтель,—ходили для отличія зимою съ поднятыми воротниками и, когда одного изъ нихъ удалось задержать, то у него былъ обнаруженъ красный паспортъ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ, выданный ему бѣлостокскимъ рабочимъ союзомъ.

Откуда стрѣляли въ крестный ходъ, свидѣтель не знаетъ, хотя онъ шелъ и въ переднихъ рядахъ. Свидѣтель не думаетъ, чтобы стрѣляли съ балконовъ такъ какъ—«мѣстный обычай» стрѣлять съ чердаковъ, черезъ крыши, приподнявъ черепицу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

Въ министерствѣ юстиціи получилъ окончательное разрѣшеніе вопросъ объ открытіи съ 1-го января 1909 года 80 новыхъ слѣдственныхъ участковъ, причемъ министерство распредѣляетъ участки только между судебными округами, а внутри округовъ участки будутъ распредѣляться между окружными судами общими собраніями судебныхъ палатъ и замѣщаться судебными слѣдователями по представленію судовъ изъ числа находящихся при нихъ кандидатовъ.

Уѣзднымъ членамъ нижегородскаго окружнаго суда разослано нижегородскимъ окружнымъ судомъ слѣдующее сенатское разъясненіе по поводу высочайшаго указа 9-го ноября 1906 г.: „Изъ имѣющихся въ министерствѣ юстиціи свѣдѣній усматривается, что одна изъ судебныхъ палатъ, рассмотрѣвъ жалобу двухъ крестьянъ на опредѣленіе окружнаго суда, коимъ было отказано въ утвержденіи купчей крѣпости на продажу однимъ изъ просителей другому усадебнаго двороваго мѣста, признала упомянутую жалобу не заслуживающей уваженія, между прочимъ, на томъ основаніи, что проситель въ доказательство права крестьянъ на продажу своихъ надѣльныхъ земель ссылаясь на высочайшій указъ отъ 9-го ноября 1906 г., изданный въ порядкѣ статьи 87-й основныхъ государственныхъ законовъ, между тѣмъ какъ дѣйствіе этого указа прекратилось за неприятіемъ этого закона государственной думой. Рассмотрѣвъ принесенную на означенное опредѣленіе судебной палаты кассационную жалобу въ судебномъ засѣданіи 1-го мая 1908 г., правительствующій сенатъ по гражданскому кассационному департаменту нашелъ, что, на точномъ основаніи ст. 87-й основныхъ государственныхъ законовъ изданія 1906 г., дѣйствіе постановленія, изданнаго въ порядкѣ, сей статьей указанномъ, прекращается, если въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій государственной думы оно не будетъ внесено въ думу или, будучи внесеннымъ, не будетъ принято думой или государственнымъ совѣтомъ. Относительно же указа 9-го ноября 1906 года палата не установила наличности ни того, ни другого обстоятельства, причемъ въ дѣйствительности, согласно точному смыслу приведенной ст. 87-й соотвѣтствующій указу 9-го ноября 1906 г. законопроектъ былъ внесенъ 4-го апрѣля 1907 г. за № 10902 въ созванную 20-го февраля 1907 г. 2-ю думу, но ею не рассмотрѣнъ, 29-го ноября 1907 г. за № 34853 внесенъ въ созванную 1-го ноября 1907 г. 3-ю думу, которою и рассматривается, а слѣдовательно не отвергнуть, а посему установленіе палатой въ своемъ опредѣленіи, что дѣйствіе именного высочайшаго указа 9-го ноября 1906 г. прекратилось, должно быть признано явно противозаконнымъ“.

23-го іюля защитниками осужденныхъ по второму процессу о выборгскомъ воззваніи депутатовъ 1-й госуд. думы проф. Л. І. Петражицкаго и прис. пов. Шольпа (б. члена уманскаго окр. суда) поданы въ прав. сенатъ двѣ кассационныя жалобы. Жалобы

эти содержать въ себѣ указаніе на неправильность, допущенную сб. суд. палатой и выразившуюся въ преемственности между первымъ и вторымъ процессами; такъ, на примѣръ, на второмъ процессѣ не были приведены къ присягѣ свидѣтели, допрошенные при первомъ разборѣ дѣла. Представителю обвиненія разрѣшено было ссылаться на приговоръ, вынесенный той же суд. палатой по первому процессу, и т. п. Далѣе, защитникъ проф. Петражицкаго прис. пов. О. О. Грузенбергъ, останавливаясь въ своей жалобѣ на показанія свидѣтеля М. А. Стаховича, пролившаго новый свѣтъ на обстоятельства, сопровождавшія подписаніе воззванія въ Выборгѣ, а также на роль проф. Петражицкаго въ этомъ событіи, указываетъ на неправильность постановки вопросовъ о виновности его подзащитнаго. Защитникъ же Шольна прис. пов. В. И. Добровольскій находитъ наиболѣе существеннымъ нарушеніемъ, допущеннымъ суд. палатой, примѣненіе ею къ дѣланію подсудимыхъ не 132, а 129 ст. уг. ул. Кассац. жалобы эти, какъ полагаютъ, будутъ заслушаны въ сенатѣ не ранѣе сентября.

Результатомъ процесса о бѣлостокскомъ погромѣ оказалось привлеченіе къ слѣдствію двухъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, присяжныхъ повѣренныхъ округа с.-петербургской судебной палаты—Г. Д. Скарятинъ и А. И. Гиллерсона за произнесенныя ими въ гродненскомъ окружномъ судѣ въ іюнѣ 1908 года рѣчи. Г. Д. Скарятину, привлекающемуся по обвиненію въ нарушеніи 1 п. 281 ст. улож. о наказ., инкриминируются тѣ мѣста его рѣчи, гдѣ онъ говоритъ о дѣятельности товарища прокурора виленской судебной палаты Макарова, составителя обвинительнаго акта. Что же касается привлеченія А. И. Гиллерсона, то преступленіе его квалифицировано довольно глухо, а именно, какъ выраженіе неуваженія къ существующему въ Россіи государственному строю. Дѣло это возбуждено прокуроромъ гродненскаго окружнаго суда Клоповымъ и ведется судебнымъ слѣдователемъ бѣлостокскаго уѣзда Красовскимъ, подъ наблюденіемъ товарища прокурора Вишневекаго.

26 іюля въ сб. окр. судѣ съ участіемъ присяж. засѣдателей, слушалось дѣло по обвиненію нѣкоего Смирнова въ убійствѣ своего знакомаго Михайлова. Послѣ 4-хъ часового разбирательства, передъ уходомъ присяжныхъ засѣдателей на совѣщаніе, старшиной ихъ сдѣлано было заявленіе о томъ, что присяжные засѣдатели убѣдились въ **крайне небрежномъ производствѣ** по этому дѣлу предварительнаго слѣдствія, вслѣдствіе чего нѣтъ никакой возможности судить о виновности подсудимаго. Судъ, въ виду заявленія присяжныхъ засѣдателей, опредѣлилъ дѣло слушаніемъ отложить и направить дѣло къ дослѣдованію.

Присяжные засѣдатели 12-го отдѣленія московскаго окружнаго суда подали председателю отдѣленія **заявленіе**, въ которомъ они просятъ председателя, при предъявленіи присяжнымъ опроснаго листа, сообщать имъ также, какое наказаніе ожидаетъ подсудимаго, въ случаѣ его виновности. Кромѣ того присяжные просятъ измѣнить форму опроснаго листа

и вмѣсто словъ: „виновенъ ли такой-то?“—писать: „подлежитъ ли наказанію такой-то и т. д.“ Заявленію присяжныхъ немедленно было дано движеніе. Предсѣдатель 12-го отдѣленія передалъ его председателю окружнаго суда, а послѣдній распорядился внести его на разсмотрѣніе ближайшаго общаго собранія председателей всѣхъ отдѣленій суда.

Въ газетѣ „Красноярецъ“ (№ 142) помѣщено слѣдующее письмо въ редакцію, иллюстрирующее тѣ нравы и обычаи, которые свили себѣ прочное гнѣздо въ камерѣ мирового судьи 1-го участка. г. Ачинска, г. Герке:

Мнѣ 23 іюня с. г., въ качествѣ уполномоченнаго по дѣлу, встрѣтилась необходимость получить нѣкоторыя свѣдѣнія и справки изъ камеры мирового судьи 1 участка. Представивъ довѣренность, я просилъ письмоводителя дать мнѣ возможность ознакомиться съ положеніемъ интересующаго меня дѣла, на что онъ и далъ полное свое согласіе. Заручившись разрѣшеніемъ, я немедленно приступилъ къ просмотру данныхъ мнѣ документовъ. Въ комнату письмоводителя вошелъ судья и освѣдомился о причинѣ моего пребыванія, на что я, приподнявшись со стула, поспѣшилъ ему отвѣтить. Господинъ Герке приказалъ мнѣ встать, на что я ему выразилъ свое удивленіе и вставать отказался. Поговоривъ громко съ письмоводителемъ, онъ дальнѣйшій просмотръ указаннаго дѣла запретилъ, а когда я ему замѣтилъ, что это же дѣло сегодня прочелъ безпрепятственно обвинитель моего довѣрителя, онъ вмѣсто разъясненія приказалъ мнѣ „выйти вонъ“ и, видя мою нерѣшительность подчиниться его требованію, крикнулъ городовому: „выведи его вонъ“. Подчиняясь требованію, я направился къ двери, у которой мнѣ вновь пришлось услышать слова, сказанныя г. Герке: „Выйдите вонъ, или я сейчасъ буду вамъ приказывать шею бить; а если нѣтъ, то буду приказывать голову рубить“.

Въ заключеніе письма считаю своимъ нравственнымъ долгомъ указать, что такія выраженія какъ „гони его въ шею вонъ“—представляютъ собою обычное явленіе въ камерѣ этого мирового судьи.

Студентъ технологическаго института *Павелъ Хаустовъ*.

Заклученный въ симферопольской тюрьмѣ Гальперинъ, не пожелавшій отойти отъ окна, **убить часовымъ**, выстрѣлившимъ въ окно. За короткій промежутокъ времени—это третій случай стрѣльбы часовыхъ по заключеннымъ, черезъ окно.

Въ Саратовѣ казнены два человѣка: Шитовъ и Бондаренко.

Въ Севастополѣ повѣшены три человѣка: Гугуладзе, Ильмедашвили и Кельбакіани.

Въ Читѣ казнены два человѣка: Парамоновъ и Вѣтровъ.

Въ Казани повѣшены четыре человѣка: Чандардзе, Георгадзе, Ваміадзи и Вашадзе.

Въ Тамбовѣ казнень Шабановъ.

Отвѣты редакціи.

Подписчику № 731.

Можетъ ли по отношенію къ великобританскому гражданскому бытъ предъявленъ отводъ по 5 п. 571 ст. уст. гр. суд.

Такой отводъ допустимъ, такъ какъ Великобританія не присоединилась къ гаагской конвенціи 2/14 ноября 1896 г. (с. уз. 99 г. № 62, ст. 861) и никакой специальной конвенціи по этому вопросу съ Россіей не заключила.

Подписчику № 4217.

Подлежатъ ли служащіе городского общественнаго управленія, пользующіеся правами государственной службы, сбору при увеличеніи содержанія согласно 317 сл. ст. уст. пошл. и, если подлежатъ, поступаютъ ли эти вычеты въ городскія средства или въ государственны доходъ?

Подлежатъ въ томъ случаѣ, если пользуются правомъ на чинопроизводство согласно 121 ст. гор. пол. Срв. опр. сената отъ 11 марта 1887 г. Собр. узак. 16 октября 87 г. № 94 ст. 868, Ц. мин. в. д. 27 іюля 95 г. № 28. Сборъ, являясь пошлиной, поступаетъ въ государственный доходъ.

Редакция доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что, давая годовымъ подписчикамъ бесплатные отвѣты исключительно на точно и абстрактно сформулированные юридическіе вопросы, она не даетъ бесплатныхъ консультаций по дѣламъ, не наводитъ справокъ и не рекомендуетъ повѣренныхъ, и по запросамъ такого рода ни въ какую переписку не входитъ.

Редакция проситъ гг. подписчиковъ къ своимъ письмамъ прилагать печатный адресъ, по которому получается „Право“.

Въ № 29 «Право» въ статьѣ И. М. Гревса вкратились слѣдующія опечатки:

Стр- ницы;	стр.	напечатано:	слѣдуетъ читать:
1586	21 св.	Решилье	Ришильё
1586	1 св.	скверно строить	склонно строить
1587	1 и 2 св.	о государственной школѣ	о государственной монополіи
1588	25 „	заклучались	залагались
1588	35 „	гражданскому	громадному
1590	31 и 32 св.	предупредитель- ный способъ	принудительный способъ защиты
1590	13 св.	сложить	заставить сложить
1590	6 „	бездарнымъ и без- думнымъ началь- никомъ	бездарными и без- душными началь- никами
1594	24 св.	точныхъ	тайныхъ
1596	15 „	антимистиче- скихъ	оптимистиче- скихъ

ИЗДАНИЯ ЮРИДИЧЕСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Н. К. Мартынова.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 50/15.

(Телефонъ 227—10).

АЖАМЪ. Искусство говорить публично. Изд. 2-е. 1908 г. Ц. 50 к.

АЛЕКСАНДРОВЪ. Рук. для судебн. прист. и взыскат. 1904 г. Ц. 3 р.

АНИСИМОВЪ. Воинск. уст. о наказ. съ разъясн. гл. воен. суда, изд. 10-е, 1908 г. Ц. 3 р.

АБРАШКЕВИЧЪ. Новый катехизисъ уголовной защиты. 1908 г. Ц. 20 к.

БАРОНЪ. Система Римскаго гражд. права. Вып. 4-ый. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к. и вып. 2-ой. 1908 г. Ц. 1 р.

ВЛОСФЕЛЬДТЪ. Сводъ узакон. о госуд. прест. дѣян. съ разъяснен. 1907 г. Ц. 70 к.

ГАУГЕРЪ. Законы гражданскіе, т. X ч. I изд. 6-е. 1904 г. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Рѣшенія общ. собр. за 30 л. (1866—1896 гг.) съ алф. и хронол. указ. Ц. 5 р. 1) Дополн. къ нему съ 1896—1900 гг. Ц. 1 р. 2) Дополн. 1900—1905 гг. Ц. 1 р. 50 к.

ГОРДОНЪ. Уст. гражданск. судопр., съ разъясн. Сен. и алф. указ., изд. 4-е. 1908 г. Ц. 4 р. 50 к. въ пер. 5 р. 25 к.

ГРОМАЧЕВСКИЙ. Охранит. судопр. по вед. без- спорн. дѣлъ. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

ГРАССЪ. Руков. для судебн. слѣдоват. 1908 г. изд. 4-е. Ц. 6 р.

ЗАКОНЫ гражданскіе т. X, ч. I по продолж. 1906 г. съ прил. алф. и предметн. указ. мал. форм. Ц. 1 р. 30 к.

МАКАЛИНСКИЙ. Практ. руков. для суд. слѣдов. при окружн. судахъ. Изд. 6-е. 1907 г. въ 2-хъ ч. Ц. 6 р.

ЗОМЪ. Институціи. Учебникъ исторіи и системы римск. гражд. права. в. 1-й 1907 г. Ц. 1 р. пере- водъ Борковскаго.

МАРТЫНОВЪ. Узак. и усыновл. дѣтей съ разъясн. сен. и образц. бум. изд. 5-е. 1907 г. Ц. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Образцы и формы дѣл. бум. изд. 3-е. 1903 г. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 30 к.

ЕГО ЖЕ. Справочн. кн. для опекун. и попечит. изд. 3-е. 1904 г. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Правила объ Ахатѣ по продолж. 1906 г. изд. 2-е. 1904 г. Ц. 50 к.

ЛЕБЕДЕВЪ. Государственное хозяйство. 1906 г. Ц. 50 к.

НАКАЗЪ землеустроительнымъ комиссіямъ. 1907 г. Ц. 50 к.

НЕОДОШИВИНЪ. Руководство для плательщи- ковъ раскладочн. сбора, дополн. промысл. налогъ, издав. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

КОРКУНОВЪ. Сравн. очеркъ госуд. права изд. 2-е, 1906 г. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 8-е 1908 г. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 50 к.

КИПЪ. Исторія источн. римскаго права изд. 1908 г. Ц. 1 р.

ОБЪ ИЗМѢНЕН. въ порядкѣ произв. по дѣламъ о преступл. госуд. 1904 г. Ц. 25 к. и о измѣн. и дополн. зак. 7 іюня 1904 г. въ пор. произв. по дѣл. госуд. преступл. 1905 г. Ц. 10 к.

САКОВИЧЪ и ШИРОКОВЪ. Правила и формы смѣтн. кассов. и ревизіон. порядка. Изд. 4-е. 1908 г. Ц. 4 р. 50 к., въ пер. 5 р. 25 к.

СМЕРТЬ и УВѢЧЬЕ при эксплуатац. жел. дор. 1907 г. Ц. 40 к.

ТАГАНЦЕВЪ. Улож. о наказан. угол. и исправ. Изд. 13-е. 1908 г. Ц. 4 р. 50 к.

УГОЛОВНОЕ УЛОЖ. утв. 22 марта 1903 г. съ указат. предм. и алф. мал. форм. Ц. 1 р.

УРОЧНОЕ ПОЛОЖ. для строит. работъ, изд. 5-е. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

ФОЙНИЦКИЙ. Курсъ уголовн. права, часть особ. 1907 г. Ц. 3 р.

ЧАГИНЪ. Правила объ устройствѣ суд. части и произв. суд. дѣлъ о земск. начальн. и временн. прав. о волостномъ судѣ. 1907 г. Ц. 2 р.

ЭНСОНЪ. Англійскій парламентъ, его консти- туціон. зак. и обычаи. 1908 года. Ц. 2 р. 25 к.

РУВИНОВСКИЙ. Объ условномъ осужд. Изд. 2-е. 1908 г. Ц. 25 к.

САВИНИНЪ. Какъ наследнику по закону или завѣщанію укрѣпиться въ правахъ наследства. 1908 г. Ц. 50 к.

Переплеты отъ 50 до 75 к.

Издатель, приватъ-доцентъ: В. М. Гессенъ.

Отвѣтственный редакторъ І. Е. Фриде.

Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Базилевскій, Викторъ Ивановичъ, дв.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 755.	Спб. о. с.
Баулинъ, Иванъ Ивановичъ, кр.	С. о. 10 іюля № 55. Опекa надъ личн. и имущ. по разстройству умствен. способ. Р. VII, ст. 278.	Московск. с. с.
Гарднеръ, Анна Андреева, двор.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 753.	Кіевск. о. с.
Горячевъ, Михаилъ Михайловъ, кр.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 754.	Московск. о. с.
Гельманъ, Мееръ Рафаиловъ.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 763.	Ковенск. о. с.
Дудюхины, Ольга и Иванъ Егоровы, мѣщ.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 750.	Сарапульск. о. с.
Дехиновъ, Николай Петровъ, с. куп.	С. о. 7 іюля № 54. Опекa надъ имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 272.	Спб. с. с.
Зелингеръ, Филиппъ Антоновъ.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 761.	Одесск. о. с.
Казанцевъ, Василій Ивановичъ, цехов.	С. о. 7 іюля № 54. Опекa надъ личн. и имущ. по умопомѣшательству. Р. VII, ст. 273.	Саратовск. о. с.
Лещинскій, Адамъ Рафаиловъ, дв.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 747.	Луцк. о. с.
Маликовъ, Александръ Сергѣевъ, мѣщ.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 757.	Пензенск. о. с.
Орлова, Анна Васильева, доч. ст. сов.	С. о. 10 іюля № 55. Опекa надъ имущ. по душевной болѣзни. Р. VII, ст. 279.	Каменецъ-подол. дв. о.
Пантюшкинъ, старшій, Василій Михайловъ.	С. о. 7 іюля № 54. Опекa по сумасшествію. Р. VII, ст. 271.	Спб. с. с.
Прохоровъ, Михаилъ Семеновъ, б. куп.	С. о. 10 іюля № 55. Опекa надъ имущ. по не- трезв. и расточит. жизни. Р. VII, ст. 276.	Малоярославецк. с. с.
Родионова, Елисавета, мѣщ.	С. о. 14 іюля № 56. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 281.	Екатеринодарск. с. с.
Рукавшниковъ, Константинъ Евлампіевъ.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 756.	Троицк. о. с.
Сыромятниковъ, Петръ Яковлевъ.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 751.	Таганрогск. о. с.
Сидоровъ, Романъ Прохоровъ, куп.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 758.	Пермск. о. с.
Сахно-Устимовичъ, Викторъ Федоровъ, дв.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 759.	Елисаветградск. о. с.
Самоваровъ, Василій Федоровъ, мѣщ.	С. о. 7 іюля № 54. Опекa надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 274.	Ставропольск. с. с.
Сафоновъ, Иванъ Ивановичъ.	С. о. 10 іюля № 55. Опекa надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 275.	Земск. нач. 5 уч. уржумск. у.

П Р А В О

Тамбовцевъ, Георгій Михайловъ, каз.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 760.	Уральск. о. с.
Унутцовъ, Арутсонъ Хачатуровъ.	С. о. 10 іюля № 55. Опекун. надъ личн. и имущ. по душ. бол. Р. VII, ст. 280.	Тифлиск. с. с.
Фонъ-Лизандеръ, Максъ Жановъ, дв.	С. о. 10 іюля № 55. Попечительство надъ личн. и имущ. по разстройству умствен. способностей. Р. VII, ст. 277.	Митавек. о. с.
Хилининъ, Александръ Іосифовъ.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 749.	Читинск. о. с.
Хамитовъ, Абдумалыть.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 752.	Казанск. о. с.
Чекунковъ, Макарь Прокофьевъ, каз.	С. о. 14 іюля № 56. Опек. надъ имущ. за не- трезв. и расточителн. образъ жизни Р. VII, ст. 282.	Усть-Медвѣдиц. оп.
Шевернадзе, Василій Семеновъ, дв.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должникъ, Р. VI, ст. 764.	Симферопльск. о. с.
Экономич. общ. военно-служащ. читинск. гарни- зона въ лицѣ ликвид. комиссіи.	С. о. 4 авг. № 62. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 748.	Читинск. о. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ рас- публиковано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произве- ло публикацію.
Азіатцевъ, Павелъ Ивановичъ, пот. поч. гр.	С. о. 10 іюля № 55. Прекращ. опека (учрежд.— свѣд. нѣтъ), въ виду призн. его здоровымъ. Р. VIII, ст. 210.	Спб. с. с.
Борзова, Ирина Алексѣева, мѣщ.	С. о. 10 іюля. № 55. Прекращ. опека (учрежд.— с. о. 1890 г. № 86, ст. 460—724), за смертью. Р. VIII, ст. 209.	Спб. с. с.
Блументаль, Аронъ Янкелевъ, куп.	С. о. 14 іюля № 56. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1903 г. № 24, ст. 277), по мировой сдѣлкѣ. Р. VIII, ст. 213.	Рижск. о. с.
Дементьева, Елисавета Иванова, мѣщ.	С. о. 10 іюля № 55. Прекращ. опека (учрежд.— с. о. 1890 г. № 95, ст. 169), за смертью. Р. VIII, ст. 208.	Спб. с. о.
Дегтяревъ, Алексѣй Яковлевъ, отст. фейер- верк.	С. о. 14 іюля № 56. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1908 г. № 20, ст. 274), вслѣдствіе просьбы единствен. кредитора. Р. VIII, ст. 211.	Острогожск. о. с.
Ефремовъ, Василій Игнатовъ, урядн.	С. о. 14 іюля № 56. Прекращ. опека (учрежд.— с. о. 1904 г. № 58, ст. 223), за смертью. Р. VIII, ст. 212.	Хоперск. о. с.
Журданъ, Павелъ Карловъ, ум. инжен.	С. о. 14 іюля № 56. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1902 г. № 23, ст. 235), призн. неосторожною. Р. VIII, ст. 214.	Московск. к. с.
Мѣшковъ, Михаилъ Ивановичъ, куп.	С. о. 14 іюля № 56. Прекращ. дѣло о несостоят. (первоп. публ.—с. о. 1890 г.), призн. неосто- рожною Р. VIII, ст. 215.	Московск. к. с.
Наугольновъ, Михаилъ Николаевъ, каз.	С. о. 10 іюля № 55. Прекращ. опека (учрежд.— с. о. 1907 г. № 97, ст. 429), за смертью. Р. VIII, ст. 206.	Донецк. о. о.
Орловъ, Сергѣй Федоровъ, мѣщ.	С. о. 10 іюля № 55. Прекращ. опека (учрежд.— с. о. 1905 г. № 39, ст. 128), за смертью. Р. VIII, ст. 207.	Ростовск. на Д. с. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Бартошевскимъ, Александромъ Осиповымъ, надв. сов.	Варпоховскому, Виктору Васильеву, прис. пов.	С. о. 7 іюля № 54. У нотар. въ Москвѣ. Р. IV, ст. 236.	Бартошевскій Ал. Осиповъ.
Бартошевскимъ, Александромъ Осиповымъ, надв. сов.	Лабинскому, Алексѣю Порфирьеву, прис. пов.	С. о. 7 іюля № 54. У спб. нотар. Ивашкевича, 2 марта 1901 г. № 1362. Р. IV, ст. 237.	Бартошевскій Ал. Осиповъ.
Гонкомъ, Константиномъ Константиновымъ, мѣщ.	Уманцу, Константину Константинову, канц. служ.	С. о. 7 іюля № 54. У кievск. нот. Шенфельда, 18 ноября 1902 г. № 5054. Р. IV, ст. 233.	Кіевск. о. с.
Гонкомъ, Константиномъ Константиновымъ, мѣщ.	Уманцу, Константину Константинову.	С. о. 7 іюля № 54. У кievск. нот. Крюгера, 20 дек. 1902 г. № 8414. Р. IV, ст. 234.	Кіевск. о. с.
Денисовымъ, Николаемъ Николаевымъ, куп. сын.	Денисовой, Наталіи Николаевы.	С. о. 7 іюля № 54. У курск. нот. Никольскаго, 24 янв. 1907 г. Р. IV, ст. 235.	Курск. о. с.
Занковымъ, Лукьяномъ Дорофеевымъ, пос.	Нейкову, Николаю Васильеву, пос.	С. о. 3 іюля № 5. У погайск. нотар. Ларионова, 17 сент. 1907 г. Р. IV, ст. 232.	Татанрогск. о. с.
Мионовымъ, Ефимомъ Парфентьевымъ, кр.	Ковалевскому, Леониду Владимірову, прис. повѣр.	С. о. 19 іюня № 49. У екатериносл. нот. Михайлова, 20 сент. 1902 г. Р. IV, ст. 227.	Екатеринославск. о. с.
Мионовымъ, Ефимомъ Парфентьевымъ, кр.	Ковалевскому, Леониду Владимірову, прис. повѣр.	С. о. 19 іюня № 49. У екатериносл. нот. Михайлова 13 апр. 1904 г. Р. IV, ст. 228.	Екатеринославск. о. с.
Правленіемъ „Сѣвернаго страхового общества“.	Бобрицкому, Гавріилу Михайлову, пот. поч. гр.	С. о. 19 іюня № 49. У московск. нот. Лебедева, 29 іюля 1905 г. № 3275. Р. IV, ст. 229.	Московск. о. с.
Пурпуровскимъ, Ростиславомъ Аверировымъ, мѣщ.	Соколову (им. и отч. не ук.), части. повѣр.	С. о. 19 іюня № 49. У самаркандск. нот. Герасимова, 27 марта 1908 г. № 1509. Р. IV, ст. 230.	Самаркандск. о. с.
Раджаббаевымъ, Насруллою.	Филатовой, Пелагеѣ Родіоновой, кр.	С. о. 19 іюня № 49. У самаркандск. нот. Герасимова, 23 мая 1907 г. № 1876. Р. IV, ст. 231.	Самаркандск. о. с.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

3-й В Ы П У С К Ъ

„Стенографическаго отчета
Портъ-Артурскаго процесса“

вышелъ и продается: 1) въ Спб.: въ кн. маг. Вольфа—Невскій, 13, и Гост. дв., 18; „Нов. Вр.“, Невскій, 40; скл. изд. „Стеногр. Отч.“, Фонтанка, 18, кв. 6. 2) въ Москвѣ въ кн. маг. Вольфа—Кузнецкій мостъ и Моховая. 3) въ Одессѣ—въ конторѣ нотариуса Домбровскаго—уг. Полиц. и Екатеринин. ул. Тамъ же принимается и подписка на все остальные выпуски. Къ этому выпуску прилагается: планъ города и позиціи Цзинь-Чжоу съ показаніемъ оборонительныхъ работъ и 2 карты къ описанію событій съ 21 апр. по 3 мая и съ 3 по 14 мая 1904 г. Съ вых. 4 выпуска подписная цѣна значительно увеличится.